

**БЕЛГОРОДСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ  
МВД РОССИИ ИМЕНИ И.Д. ПУТИЛИНА**

**ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ПАРАДИГМЫ XXI СТОЛЕТИЯ:  
КУЛЬТУРНО-ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ**

**Материалы межведомственной научной конференции**

**30 ноября 2017 г.**

**Белгород  
Белгородский юридический институт МВД России  
имени И.Д. Путилина  
2018**

Ц 57 Цивилизационные парадигмы XXI столетия: культурно-ценностные ориентиры : материалы межведомственной научной конференции. 30 ноября 2017 г. – Белгород : Бел ЮИ МВД России имени И.Д. Путилина, 2018. – 98 с.  
ISBN 978-5-91776-235-7

**Редакционная коллегия:**

**Амельчаков И.Ф.** – начальник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина, кандидат юридических наук, доцент (председатель);

**Озеров И.Н.** – заместитель начальника Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина (по научной работе), кандидат юридических наук, доцент (заместитель председателя);

**Таранова А.Е.** – доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, кандидат социологических наук, доцент (секретарь);

**Чесовская М.Г.** – начальник кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, кандидат исторических наук, доцент;

**Колесников С.А.** – профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, доктор филологических наук, доцент.

В сборнике материалов межведомственной научной конференции представлены статьи, в которых отражены проблемы цивилизации как предмета междисциплинарных социогуманитарных исследований, актуальные вопросы политико-правового и социокультурного развития России и евразийского пространства.

Предназначен для профессорско-преподавательского состава, адъюнктов, курсантов, слушателей образовательных организаций МВД России.

УДК 008  
ББК 60

# ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ПАРАДИГМЫ АНТИДЕСТРУКТИВНОСТИ В КОНЦЕПЦИЯХ А. ТОЙНБИ И М. ВЕБЕРА

УДК 81.44

**Колесников С.А.,**  
*доктор филологических наук*  
(Бел ЮИ МВД России имени И.Д. Путилина)

**Аннотация:** в статье рассматриваются две концепции западной философии, объединенные темой антидеструктивности. Первая концепция принадлежит А.Дж. Тойнби, известному прежде всего как философу истории. Однако Тойнби внес значительный вклад в становление теории антидеструктивности, предлагая свое видение перспектив философии жизни, принципов формирования позитивного «Вызова», приоритетность творческого подхода в преодолении разрушительных тенденций, детальный анализ лингвистических истоков разрушительности. В свою очередь, социолог М. Вебер предлагает свою версию преодоления разрушительных тенденций цивилизации на основе рационального осмысления негативных источников, формирует идеальный тип рациональных межличностных и социальных отношений. Соотнесение этих двух позицикрупных мыслителей XX века позволяет по-новому взглянуть на проблему деструктивности в развитии современной цивилизации.

**Ключевые слова:** А.Дж. Тойнби, философия истории, М. Вебер, социология, деструктивность, цивилизация.

## THE CIVILIZATIONAL PARADIGM OF ANTIDESTRUCTIVE IN THE CONCEPT OF A. TOYNBEE AND M. WEBER

**Kolesnikov S.A.,**  
*doctor of philological sciences*  
(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

**Abstract:** the article deals with two concepts of Western philosophy, United by the theme of anti-destructiveness. The first concept belongs to A.J. Toynbee, known primarily as the philosopher of history. However, Toynbee made a significant contribution to the formation of the theory of anti-destructiveness, offering his vision of the prospects of the philosophy of life, the principles of formation of a positive «Challenge», the priority of creative approach in overcoming destructive trends, a detailed analysis of the linguistic origins of destructiveness. In turn, the sociologist M. Weber offers his version of overcoming the destructive tendencies of civilization on the basis of rational understanding of negative sources, forms an ideal type of rational interpersonal and social relations. The correlation of these two positions of major thinkers of the twentieth century allows us to take a fresh look at the problem of destructiveness in the development of modern civilization.

**Key words:** A.J. Toynbee, philosophy of history, M. Weber, the sociology, the destructiveness of civilization.

Проблема антидеструктивности является одной из острейших для современной цивилизации. Для выяснения важных аспектов этой проблемы необходимо провести сопоставительный анализ взглядов на деструктивность философа истории А. Дж. Тойнби и видного социолога М. Вебера.

По-своему расставила приоритеты и взглянула на деструктивные доминанты личности и истории философия культуры А. Дж. Тойнби, который привлек для борьбы с деструктивностью широчайший исторический материал. В его антидеструктивных методиках сочетается витальный подход, в традициях философии жизни. Жизнь есть «элемент бытия универсума» [1, с. 10], а, следовательно, все личностно-социальные отношения и стратегии выстраиваются в соответствии с органистической структурой. Так, мега-культурные взаимодействия цивилизаций, по Тойнби, аналогичны «отношениям между родителем и ребенком» [1, с. 44], анализ развития универсальной церкви ведется в рамках «органо-анатомического» дискурса с употреблением понятий «зачатие», «вынашивание» и пр. [1, с. 532], а сама история антидеструктивного роста человечества есть «прогрессивное движение в сторону самоопределения, а движение в сторону самоопределения – это прозаическая формула чуда самовыражения Жизни» [1, с. 258].

Руководствуясь витальной установкой, Тойнби, в отличие от Шпенглера, стремится практически эксплицировать причины появления и развития доминионов деструктивности в различных областях человеческой жизни. В его концепции «Вызова-и-Ответа» дается определение фундаментального положения позитивного «Вызова», который априорно является преодолимым, стимулирует позитивное развитие. Следовательно, Вызов, потенциально являющийся непреодолимым, Препятствие, которое не может быть аннигилировано, и есть первоисточник деструктивности, ведущей к «надлому» цивилизации. Именно историческому исследованию деструктивных первопричин Тойнби и уделяет пристальное внимание.

Источником деструктивности может стать само отсутствие вызовов: «Отсутствие вызовов означает отсутствие стимулов к росту и развитию» [1, с. 126] (правда, в определении парадигмы ведущих стимулов Тойнби произволен, что и вызывало вполне справедливые нарекания со стороны профессиональных историков). Это приводит и к «задержке» развития цивилизаций, и к их разрушению. Но и предельно количественные параметры вызовов также опасны: чрезмерная географическая экспансия является «благоприятным условием для социального распада», «географическая экспансия есть проявление социальной болезни» [1, с. 232], что приводит к потере «черты отчетливого и устоявшегося стиля» [1, с. 401]. Внешнее, синхронное, расширение не менее опасно, чем внутреннее, проявляющее себя в декадансе как деструктивности в диахронии: декаданс «представляет собой результат распада социального наследия» [1, с. 307]. Однако в отличие от пессимистического фатализма Шпенглера, Тойнби постулирует наличие прогрессивного потенциала в человеческом сообществе, «естественные свойства» человека не распадаются совершенно, сохраняя принципиальную возможность к позитивному развитию.

Хронологическое бегство назад или вперед, труантизм, «одержимость бездельем» и пр. ведут к нарастанию болезненного ощущения «неконтролируемого потока жизни, представляющего собой пассивное переживание утраты жизненного порыва» [1, с. 380]. Характерно витальная интерпретация Тойнби причин развития деструктивности выводит его все к тому же тезису о важности креативности как антидеструктивного залога. Снижение способности к творчеству или отсутствие этой способности ведет к распаду. Однако и здесь Тойнби по-христиански оптимистичен, утверждая, что «переход от социального роста к социальному распаду не сопровождается тотальным уничтожением творческой искры» [1, с. 464]. Хотя религиозная позиция Тойнби приводит его к жестокому, в духе Мальтуса, вопросу: «Можно ли заключить, что, поскольку первородный грех воспроизводится в Этом Мире с каждым появившимся новым младенцем, значит, регресс неизбежен?» [1, с. 547]. Вопрос остается открытым...

Насилие в любой форме (и как причина деструктивности, и как средство для борьбы с проявлениями деструктивности) не может быть принято в качестве этически позитивного инструмента. «Время работает против тех, кто возвел свою империю при помощи насилия» [1, с. 465]. Ни «меч», ни «машина времени» не несут спасения, а именно оно является, пожалуй, единственно действенным антидеструктивным механизмом. Даже в религиозной сфере проявление насилия, чрезмерная воинственность церкви, стремление во что бы то ни стало «установить божественную волю на Земле» [1, с. 546] ведет к духовному регрессу.

Особое место занимают лингвистические истоки деструктивности. Разнообразие языков, «вавилонское столпотворение» есть причина мировой разобщенности, исчезновение *lingua franca*, единого языка – отчетливо деструктивный процесс. Языковые различия могут стать и причинами внутринациональной разобщенности, как это было, например, в апостольские времена, когда «линия раздела между социальными слоями проходила и в языковой сфере» [1, с. 404]. Незнание арамейского и греческого языков выбрасывало из интеллектуальной сферы и проводило практически непреодолимую границу внутри общества. Однако и для интер-языков имелась негативная сторона лингвистического экуменизма: «Ценой, которую язык платит за превращение в *lingua franca*, является утрата четкости и нюансов» [1, с. 405]. Кроме того, в языке происходит фиксация деструктивных процессов, идущих в обществе, в частности, процесса секуляризации: «клирик» превращается в «клерка», понятия «пневматика» и «конверсия» из духовной транспонируются в технологическую сферу, «евхаристия оборачивается коммунизмом» [1, с. 543].

Тойнби приводит значительное количество форм, в которых находит свое воплощение деструктивность. Деструктивные проявления классифицируются как внешние (насилие) и внутренние («физическая и психическая дегенерация»); вертикальные и горизонтальные: «Существуют «вертикальные» трещины между территориально разделенными общинами и «горизонтальные» – внутри смешанных общин» [1, с. 347]. В деструктивных модусах отмечается определенная ритмичность: «Если такты в ритме роста как бы отмеча-

ют последовательность успехов в ответах на череду вызовов, то такты в ритме распада образуются в результате цепи поражений в ответах на один и тот же вызов» [1, с. 489], при этом в истории падения любой цивилизации можно уловить ритм распада» [1, с. 491]. Деструктивности также свойственен полиморфизм, изменение, качественно меняющееся в корреляции с меняющимися условиями, так, например, «старый вызов физического расстояния превратился в новый вызов человеческих отношений – между водителями, которые, научившись «уничтожать расстояния», столкнулись с опасностью уничтожить друг друга» [1, с. 257].

Многообразие классификационно-формальных признаков приводит к многообразию конкретного проявления деструктивности. По сути, мы сталкиваемся с «дурной бесконечностью» деструктивности, количественное преодоление которой практически невозможно. Успеть ответить на бесконечно расширяющийся фронт деструктивных вызовов нельзя, считает Тойнби, приводя огромное количество примеров деструктивных «праксисов»: технологичность, не приведшая к «прибавлению мудрости и добродетели», «военная наука», где прогресс обратно пропорционален общественному развитию, идолопоклонничество как моральная ущербность (идолизация институтов – непростительная ошибка, которая приводит к социальной катастрофе» [1, с. 551]), неоязычество, вульгаризация и варваризация...

Все эти проявления объединяются иллюзорностью тех предложений, тех «Ответов», которые в реальности лишь усиливают деструктивность. Механизмы, используемые для укрепления иллюзий, для расшатывания трезвого взгляда на мир, приводятся Тойнби: личное обаяние основателей иллюзий, впечатляющая грандиозность, тоталитарность [1, с. 511]. Но отсутствие сотериологических ориентиров в таких якобы «антидеструктивных» стратегиях сводит их позитивный потенциал к нулю. Иллюзии лишь маскируют ситуацию распада, дезинформируют об аномалиях развития, прикрывают деструктивные модели поведения палача, расточителя и завоевателя, центральных фигур в возникновении цивилизационного надлома. «Оказавшись в состоянии распада, цивилизация перестает быть целым, которое можно скопировать и организовать по его подобию свою собственную жизнь. Причина надлома – невозможность самодетерминации, в результате чего возникает потеря внутреннего единства, гармонии и пропорциональности» [1, с. 341]. Решение проблемы деструктивности видится Тойнби в духе христианской морали, в торжестве добра: «Существует два способа взметнуть пыль на площадях и на исторической арене: это путь насилия и путь добра... История выбирает доброту» [1, с. 341].

Характерным для Тойнби является стремление дать практические рекомендации по преодолению деструктивности. Прежде всего, он видит необходимость усиления сотериологической составляющей в антидеструктивных методиках. Стремление к духовному спасению должно лечь в основе победы над разрушением, все, что служит спасению – антидеструктивно. Вне сотериологии – все тотально разрушительно.

Свою радикально рационализированную антидеструктивную стратегию предлагал М. Вебер. Он формулирует специфическое определение деструктивности, в основе которого восприятие антирациональных феноменов как потенциально разрушительных. Практически в каждом деструктивном явлении, будь то война как форма внешнего насилия, приводящая к тому, что «войско... все более и более приобретает характер совершенно оторванной от коренного населения банды» [2, с. 463], или аномия как форма «радикального неприятия мира» [2, с. 22], скрыт иррационализм. Даже там, где иррационализм прячется под маской прагматизма, провоцируется деструктивность и насилие: «Насилие и угроза насилием ввиду неизбежности прагматичности каждого действия порождает новое насилие» [2, с. 17]. В различных масштабах различно проявление деструктивного иррационализма: душевное внутреннее состояние, которое «уводит от рациональной деятельности» [2, с. 192], также опасно, как и внешнее а-космическое, которое может «в своем усилении дойти до полного отрицания рациональной по цели деятельности просто как таковой» [2, с. 21]. Для Вебера иррационализм неминуемо скатывается в «темноту» бесконтрольности, в частности, в область телесного с радикально деструктивными проявлениями экстаза, когда «вера приобретает – подспудно или открыто – эротический характер» [2, с. 227], «сексуальность, сублимируясь, превращается в «эотику» [2, с. 256] и т.п. По сути, Вебер моделирует в новых дефинициях «рационализма-иррационализма» кантовское противостояние чувственного и умозрительного мира. Например, – ситуацию в религии, когда «религиозной этике противостоит мир безличных отношений, который принципиально не может подчиниться ее исконным нормам» [2, с. 239], или ситуацию в искусстве, где аскеза неминуемо противостоит «признанию эстетических ценностей» [2, с. 257].

Формы проявления деструктивности, по Веберу, также зависят от степени погруженности феномена в иррационализм. На личностно-интеллектуальном уровне иррационализм становится «прибежищем», притягательность которого «становится тем сильнее, чем больше мир казался лишенным ценностей» [2, с. 56]. Внутренняя «тайная мука», растущая из интуиции иррациональности «собственной не подлежащей изменению сущности», лишает человека «возможности получить «прощение» и «покаяться» [2, с. 231], а главное, обнажает «бессмысленность чисто мирского самоусовершенствования», «бессмысленность жизни» [2, с. 35]. На внешнем, социальном, уровне иррационализм, по Веберу, провоцирует ощущения деструктивности культуры в целом, ведет к тому, что культура становится причиной «выхода человека из органически предначертанного ему цикла естественной жизни» [2, с. 36]. Иррациональная деструктивность может идти по разным направлениям: в лингвистической области – через вырождение языка, в психолого-этической – подавленностью состояния, безнравственностью и «подрывом брачных уз», в экономической – развалом механизма хозяйствования и «дешевизной людей [2, с. 451]», в социальной – «внутриквартальной» дезинтеграцией и социальным «промискуитетом», приведших к разрушению западных городов, в биологической области – в форме физиологической дегенерации [2, с. 448] и пр.

Каждый удачный антидеструктивный проект, считал Вебер, был ознаменован ростом рационализма. Позитивность рационализма как антидеструктивной стратегии для Вебера, очевидно, скорее непререкаема. Практически вся методология Вебера строится на признании за рационализмом приоритетного положения в решении социокультурных проблем. Он сам подчеркивал некую «модельность» своих интеллектуальных построений, его объектами являлись не реальные люди, а «культурные существа». Конструирование рационализированных моделей тех или иных типов культуры – вот основной метод Вебера. Естественно, что, как отмечал Р. Бендикс в статье «Образ общества у Макса Вебера», для такого подхода характерен «метод преувеличения и упрощения исторических явлений» [2, с. 580]. Вебер «конструирует идеальный тип рациональных человеческих отношений» [А.И. Неусыхин], а потому принципиальным становится отказ детализации сложных социальных процессов, приоритетность «чистых типов» теорий спасения. Именно рациональность и сформировала «чистоту» построений Вебера.

Вебер обнаруживал рационализм в самых, казалось бы, «неожиданных» местах культуры. Так, изменения в сфере телесности, в частности, сексуальности, по Веберу, происходят «посредством сублимирования сексуальности в эротику», а «вынесение сексуальности во внеповседневную сферу» [2, с. 25] магической оргастикой как проявление иррационализма носит негативно-деструктивный характер для социума. «Эротика» становится рациональным «агентом» в «стан» телесного иррационализма и представляет собой одну из форм антидеструктивных рации-стратегий. Еще одна рациональная стратегия – придание «смысла смерти» религиями спасения: смерть как «полное смысла религиозное действие», рации-теодицея смерти получают свою оформленность именно при приоритетности рационализма. В финале «внешний» рационализм выливается в «требование, чтобы структура мира в своей совокупности была так или иначе осмысленным космосом или могла и должна была им стать» [2, с. 55].

Рационализм проявляется не только во внешних формах, но и способствует «систематизации» внутренних ориентиров религиозного поведения, в частности, молитва обретает в интерпретациях Вебера «технически рационализированные формы», превращается в призыв преимущественно «посюсторонних внешних преимуществ» [2, с. 98]; религиозный аскет трактуется как «рационалист в смысле рациональной систематизации собственного образа жизни» [2, с. 203], а деятельность магов и священнослужителей проходит стадии от установления вины через «развитие религиозной веры в спасителя» к рациональному видению мира.

Рационализации подвергается деятельность самих трансцендентальных «сил», моделируется концепция рационального Бога: «надмирного, личного, гневающегося, любящего, карающего» и пр., но действующего во все более четких рациональных рамках. Задачей религии становится организация «методически рационализированной деятельности на службе Бога» [2, с. 64], появляется «профессиональная», а точнее «цеховая» маркированность священнослужителей и пророков, становящихся «профессионалами», а не мистика-

ми. В этом и состояла суть веберовского знаменитого определения «расколдовывания мира».

Естественно, что главные моменты расколдовывания происходили в религиозной сфере. Противостояние рационального и иррационального в сфере религии – важнейший аспект антидеструктивной концепции Вебера. Каждая новая ступень рационализации религиозного сознания, считал Вебер, «пробуждала рациональное светское мышление» [2, с. 31]. «Потребность в спасении, – безапелляционно писал он, – всегда и повсюду возникала как следствие стремления к систематической практической рационализации реальной жизни» [2, с. 33], воздействие религиозных представлений как «общей стереотипизации» [2, с. 84], «овеществленная специализация богов» [2, с. 88], процесс «рационализации табу» как создание «нормативной системы» [2, с. 106], превращение иррационального учения в письменно зафиксированную традицию, успешность в бизнесе как свидетельство милости Божьей – все это грани процесса «расколдовывания мира».

Религия для Вебера выражается прежде всего в рационализированных формах. Например, в экономической сфере религия способствует рационализации хозяйства, а подчас для возникновения самих форм религиозности определяющими являются экономические условия, как, в частности, возвращение собственности в руки рабов поздней Римской империи, что обусловило «победоносное развитие христианства» [2, с. 457].

Четко заострялась Вебером социальная детерминированность религиозных взглядов: принадлежность к аристократии означала преимущественное стремление к «мистике озарения», а в мелкобуржуазных слоях формировались «ригористические религиозные потребности» [2, с. 172] или «суррогаты магически-оргаистического культа»; фиксируются в «Социологии религии» «кастовые» особенности религиозных представлений [2, с. 110]. Показательно, что и в этом случае «детали» несоответствия четкой дифференциации религиозных взглядов по социальному признаку оставляются Вебером в стороне. Развитие религии обуславливается, по Веберу, социальными конфликтами, именно такой подход у него наблюдается в обращении к истории церкви. Основным процессом развития церкви Вебер считал растущую профессионализацию священнослужителей, главной задачей которых являлась «систематизировать победившее новое учение или защищаемое от нападков старое» [2, с. 128]. Превращение священнодействия в «регулярное отправление обособленным кругом лиц культовых действий» [2, с. 100], – такова история церкви по Веберу. Характерно определение Вебера церкви как «единой рациональной организации, с монархической верхушкой и централизованным контролем благочестия» [2, с. 213], пророка как «обладателя личной харизмы, возвещающего в силу своей миссии религиозное учение или волю Бога» [2, 112], а пути к спасению как формы рационального ритуализма [2, с. 191-197].

С такой же долей рационалистичности интерпретируются религиозные взгляды в политических и правовых определениях. Политическая обусловленность появления индивидуальных и массовых религий спасения, церковь

как политическое объединение – те некоторые политически окрашенные дефиниции, в которых Вебер исследует религию. Не менее актуальна для него и юридикация религии: формирование правового кодекса религий, определение границ юридической компетенции того или иного религиозного органа [2, с. 67], иерархо-бюрократические процессы в пантеонах богов, приравниваемых к процессам, идущим среди «чиновников патримониальных режимов» [2, с. 93], законодательная функция религии и др.

Понятным становятся предельно рационализированные определения, которые дает Вебер религии. Религия, трактуемая в качестве «психологического переживания в настоящем», не могла бы получить никакого другого определения как «продукта интеллектуальной деятельности священников» [2, с. 133] и превращения «концепции мира в концепцию смысла» [2, с. 171].

В усилении рационализма Вебер фиксирует и другие, внерелигиозные, антидеструктивные тенденции. Так, в социальной сфере расширение урбанизма, возникновение городов с четко установленной структурой хозяйствования и гражданской свободой способствовало обретению «духовных сокровищ», а в личной – к появлению «виртуозов религии» [2, 53] и их рационализированных проектов по «централизации этики», обретению «единого осмысленного отношения к жизни» [2, с. 122].

#### Литература

1. *Тойнби Дж.* Постижение истории: сборник / пер. с англ. Е.Д. Жаркова. – Москва: Айрис-пресс, 2004. – 640 с.

2. *Вебер М.* Избранное. Образ общества / пер. с нем. – Москва: Юрист, 1994. – 704 с.

## ПОСТКЛАССИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ИЗМЕРЕНИЯ ГОСУДАРСТВА

УДК 101.1; 340.12

**Антонов Е.А.,**

*доктор философских наук, профессор;*

**Таранова А.Е.,**

*кандидат социологических наук, доцент*

(Бел ЮИ МВД России имени И.Д. Путилина);

**Антонов Р.Е.**

(НИУ «БелГУ»)

**Аннотация:** в статье с философско-антропологических позиций осуществляется авторская оценка состояния и перспектив развития интегративных междисциплинарных исследований государства. В частности, проблем его осмысления на уровне образа и понятия в контексте современной глобализации. Обосновывается, что в современных условиях происходит не только трансформация мирового порядка, но и государства, универсальных формул

его строительства на всех уровнях (государство – человек, государство – общество, государство – государство, государство – мировой порядок). В частности, в контексте междисциплинарного познания данных проблем все чаще фиксируются феномены, свидетельствующие о кризисе государства в его классическом измерении (национального государства в первую очередь).

Особое внимание обращается на специфику методологических оснований классического и неклассического философско-антропологического познания государства, обеспечивающего переход от узкопозитивистского к интегративно-многомерному пониманию его природы. Данный подход имеет практическую значимость в условиях поиска нового баланса глобального и регионального в свете формирования новых антропологических форматов государства и реконструкции его антропологических констант, восходящих к различным культурно-цивилизационным типам.

**Ключевые слова:** классическая методология, постклассическая методология, государство, государственность, антропологическое измерение, мировой порядок, глобализация, исследования государства.

## **POSTCLASSICAL PRINCIPLES OF PHILOSOPHICAL-ANTHROPOLOGICAL DIMENSION OF THE STATE**

**Antonov E.A.,**

*doctor of philosophical sciences, professor;*

**Taranova A.E.,**

*candidate of sociological sciences, associate professor*

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia);

**Antonov R.E.**

(Belgorod law institute of the Ministry of the interior of the Russian «BelGU»)

**Abstract:** the article provides the author's assessment of the state and prospects of development of integrative interdisciplinary research of the state from the philosophical and anthropological positions. In particular, the problems of its understanding at the level of image and concept in the context of modern globalization. It is proved that in modern conditions there is not only the transformation of the world order, but also the state, universal formulas of its construction at all levels (state – personality, state – society, state – state, state – world order). In particular, in the context of interdisciplinary knowledge of these problems are increasingly fixed phenomena, indicating the crisis of the state in its classical dimension (the national state in the first place). Particular attention is drawn to the specifics of the methodological foundations of classical and non-classical philosophical and anthropological knowledge of the state, which provides a transition from a positivist to an integrative understanding of its nature.

**Key words:** classical methodology, post-classical methodology, the state, the state, the anthropological dimension of the world order, globalization, the study States.

Проблемы познания социальных и культурных феноменов, в частности государства, формирующие их образное и понятийное понимание, всегда определялись онтологическими, гносеологическими, эпистемологическими факторами и трендами, имеющими культурно-историческую и культурно-цивилизационную специфику. Соответствие онтологической, образно-аксиологической и понятийной экспликации государства играет существенную роль не только внутри него самого, но и в контексте внешнеполитических отношений, а шире в современном глобальном пространстве. Не случайно, в мировой науке и политике все чаще звучат тезисы и аргументы о новой роли международных политических и экономических институтов, снижении значимости атрибутов государства-суверенитета, «преодоления» национального государства путем его упразднения или слияния» (Ю. Хабермас, М. Абелес), глобальном административном праве. В условиях глобализации происходят кардинальные изменения в государствообразующих системах, появляются такие проблемы, которые свидетельствуют о начале тотального кризиса государства: его «формата» и идеи на всех уровнях (на уровне связи государства с человеком, обществом и на уровне глобального мирового порядка (трансформация государства и мирового порядка взаимообусловлены)). В частности, в условиях современной глобализации, политических вызовов и угроз национальное государство утрачивает статус универсальной формулы государственного строительства. Государство в целом, в контексте развития межгосударственных политических организаций и объединений, для решения ряда вопросов внешнеполитического и внешнеэкономического характера становится «слишком мало», при этом парадоксальным является то, что для реализации ряда функций, составляющих его социальную миссию по отношению к обществу, конкретным социальным группам, человеку, государство остается «слишком велико». В означенном контексте путь, пройденный человеком на скрижалях истории, условия современной глобализации заставляют «радикально переосмыслить роковую дилемму: «государство для человека или человек для государства»» [1, с. 7], сформировав соответствующую систему между онтологическими, гносеологическими и аксиологическими аспектами осмысления и практики.

Если в классической системе понимания решение данной дилеммы представало в полярных образах тоталитарной и либеральной социологических моделей (первая предполагала поглощение человеческого потенциала государством; вторая утверждала генетический разрыв личности и государства, их непреходящую «враждебность»), то неклассическая парадигма обосновала тенденцию гуманизации и антропологизации современного государства (практическим воплощением является модель социального государства и проектируемый на уровне образа и понятия «макет» солидарного государства). Поскольку идея государства выражается в процессе познания сначала в мифолого-религиозной образной и символической формах, а затем происходит ее переход от образа к понятию. Поэтому первый шаг на пути познания государства – образное представление о нем как стоящем над людьми, управляющим и властвующим над ними. На этом этапе познания государства символические

и метафорические смыслы играют активную роль в философском рассуждении, которое строится ещё по логике символа и метафоры, а не понятия. Образы государства в ходе истории формировались в сознании людей параллельно генезису и эволюции самого государства, играя важную роль в мышлении и поведении людей.

Современные гносеологические и философские концепции и инструменты, черпающие свои начала не только «в науке, но и других областях культуры – искусстве, морали, политическом и правовом сознании, обыденном мышлении и религиозном опыте» [2, с. 12], позволяют многомерно осмысливать вопросы трансформации государства на уровне образа и понятия, так как эти процессы происходят непрерывно, что проявляется в доктринальном, практическом, аксиологическом, обыденном уровнях. Так, постмодернистский подход акцентирует внимание на том, что в современных условиях право уже не может рассматриваться как система универсальных и неизблемых правил, которые прилагаются к бесконечному числу частных случаев, а государство и государственность как унифицированная и статичная система констант. Н. Луман, Г. Тернборн, К. Ледер предлагают рассматривать право и государство как сложную самоорганизующуюся систему, находящуюся в состоянии постоянного изменения, трансформации (в традиции синергетического понимания социальных систем).

Применительно к праву и государству постмодернизм использует широкий спектр методологических приемов. Утверждается, что под внешней целостностью права скрывается противоречивый набор фрагментов. Искусственный поиск универсальных начал и общего знаменателя, уравнивающего все противоречия (основанный на гипертрофированном понимании значимости одних потребностей и заглушении других) усиливает несправедливость права. Для преодоления данной проблемы необходимо концентрировать внимание на различиях. Так, согласно постмодернизму «правовой полицентризм является единственно возможным решением в условиях культурного плюрализма и рассматривает основную проблему права как проблему отношения между различными группами, придерживающимися особых правил поведения» [4, с. 127].

Очевидно, что методологические устремления постмодернистской методологии на уровне научном соответствуют практическим целям и направлениям реализации модели мультикультурализма как инструмента современной политической глобализации (на фоне унификации политического, экономического, правового пространства стран Европы усиливается дифференциация общества по этническим, конфессиональным, этнокультурным, субкультурным, индивидуально-психологическим основаниям, в результате чего культурно-цивилизационная идентичность сменяется плюрализмом смыслов и образов жизни, мышления, ценностных ориентаций, типов правосознания и правопонимания).

В целом постклассическая методология наравне с изменением познавательных средств, направлений, целей «развенчала догму эмпиризма и позитивизма. Ни одна теория не является полностью верифицируемой, как и невозможна ее окончательная фальсификация. Активное развитие синергетики

привело к тому, что современное науковедение отказалось от краеугольного принципа классической науки – причинности. Все это имеет непосредственное отношение к познанию государства и права» [3, с. 290-291].

Постклассическая методология – это неоднородное, полипарадигмальное образование. Несмотря на то, что направления постклассической методологии объединяет общее концептуальное основание, они отличаются акцентами на те или иные стороны изучения права, государства. Наиболее перспективными методологическими подходами в постклассической системе познания государства представляются: антропологическая, семиотико-лингвистическая, дискурсивная, прагматическая, конструктивистская, диалогическая парадигмы.

Современные государствоведческие теории часто основываются на методологических и мировоззренческих посылах классического понимания государства, раскрывая его формальные атрибутивные признаки. Вместе с тем, анализируя прогнозируемые в свете современных вызовов и угроз учеными, политиками, юристами возможные проекты трансформации государства в более или менее отдаленной перспективе в очередной раз необходимо вспомнить о многоаспектности государства не только как политико-правового феномена и инструмента, но и о его антропологическом и социальном содержании. Именно эти аспекты изначально определили специфику модусов бытия, понимания и познания государства в различных культурно-цивилизационных условиях и на различных исторических этапах. Необходимо согласиться с мнением В.Н. Шевченко относительно того, что коренная трансформация ставит вопрос об изменении не просто конкретных форм государственного устройства, правления, политической системы, а о смене или сохранении исторически и культурно сложившегося типа государственности [1].

Можно говорить о том, что признание в контексте постнеклассического типа научной рациональности сложной антропологической природы государства открывает не только новые эпистемологические горизонты его познания, но также делает возможным более глубокий и осмысленный подход к вопросу выработки его современного антропологического формата и места в системе современного мироустройства. Позволяет прогнозировать и оценивать возможные последствия трансформации не только через экономико-политическую призму, но также и через призму феномена «культурной травмы»<sup>1</sup>.

Зарубежные и отечественные мыслители еще в рамках классической науки раскрыли определяющую роль природно-климатических и культурно-

---

<sup>1</sup> Понятие «культурная травма» введено в научный оборот польским социологом П. Штомпкой в контексте исследования социокультурных проблем переходного общества, общества в эпоху социальных потрясений и трансформаций в работах «Социология социальных изменений», «Социальное изменение как травма». К числу «травмирующих» событий он относит экономические обвалы, революции, масштабные войны, терроризм, геноцид, правительственные и социальные кризисы, модернизационные процессы. Травма воздействует на социальную структуру общества, неизменно носит культурный характер. П. Штомпка выделяет четыре основных типа условий, вызывающих культурную травму: конфликт между фактами настоящего и прошлого; столкновения между отечественной и зарубежной культурами; столкновение нового образа жизни со старыми культурными традициями; внутрикультурные противоречия.

антропологических условий в развитии государства и бытия народов. Так, например, зависимость типа государственности<sup>1</sup>, статуса государства и устойчивости его суверенитета от особенностей географического положения, специфики приграничных территорий, количества «соседей» отмечал еще Ш. Монтескье. Современный немецкий государствовед К. Шмитт указывает на различия в укладе морских и континентальных миров и на их противостояние, которое подготовило почву для становления глобального общества, постепенно размывая главные антропологические категории, на которых «стоит» цивилизация Суши: понятия «дома» и «укорененности». Это указывает на существенные ментальные различия в понимании сущности базовых культурно-антропологических, онтологических и аксиологических оснований государственности у разных народов. В то же время К. Шмитт утверждал, что национальный суверенитет государства зависит не столько от его военной силы, экономической базы и технологического развития, сколько от величины и месторасположения его земель и территорий. Обладать территориальной самодостаточностью могут только очень крупные государства, которые исторически расположены в регионах, стратегически защищенных от возможного нападения других государственных образований. Так, например, США расположены таким образом, что «физически оказались избавлены от фактора внешней угрозы благодаря полной географической изоляции американского материка. Россия же на протяжении всей своей истории постоянно испытывала такие угрозы. Причем «пограничная» ситуация, в которой находилась Россия, традиционно сказывалась как на характере потенциальных вызовов и угроз, так и на межкультурной ситуации – между Западом и Востоком» [5, с. 107]. Действительно, государства, традиционно стремившиеся определять вектор исторической стратегии (Великобритания, Франция, Испания, Германия, США), как минимум с периода колониальной экспансии использовали преимущества географического положения. В свете этого можно фиксировать, что эстафета в стремлении к геополитическому лидерству от «государств Моря» в свое время была передана «государству Океана».

Таким образом, говоря о культурно-антропологических константах, еще на ранних этапах, определивших культурно-цивилизационные модели государственности и государств, их деонтологическую стратегию отношения к человеку, необходимо учитывать зависимость данных констант от внешних – природно-климатических, географических – условий. В любых природных ус-

---

<sup>1</sup> В начале XXI столетия отечественные юристы активно обсуждают проблему соотношения государства и государственности. И.Л. Честнов, В.А. Четвертин, В.Е. Чиркин и другие отмечают, что государственность представляет собой относительно новую для российской юридической науки и политической практики категорию, которая может пониматься в узком и широком значениях. Так, в узком значении государственность можно рассматривать как синоним государства вообще, государства конкретного исторического типа, как структуру власти и властных отношений в государстве. В широком смысле природа государственности проявляется через взаимосвязь ее элементов (институтов) и общественных отношений, функций, политической идеологии права, экономики, культуры, оказывающих существенное воздействие на формирование общих черт или признаков государства.

ловиях включается адекватный им «социальный инстинкт» выживания. Влияние «способов природопользования», типа культуры (городской/светской; деревенской/традиционной, народной) является важнейшим принципом при анализе различий процессов воспроизводства государств традиционного и либерального типов. Так как в свете мир-системного анализа «Город» и «Деревня» мыслятся как онтологически разные миросистемы со свойственными только им формами экзистенции, они становятся культурно-антропологической основой для формирования различных образов государства (противостояние двух Мир-систем находит выражение в онтологическом различии государств западного и не-западного типов).

Культурно-антропологические константы показывают свое влияние и в процессе формирования в ходе истории образов государства в сознании людей параллельно генезису и эволюции самого государства, что играло также важную роль в контексте научного, в частности, философского познания государства. Наряду с усложнением социокультурных форм человеческого бытия в ходе истории осуществлялось совершенствование средств познания мира. При этом оформились основные виды и формы познания государства: обыденное, религиозно-мифологическое, художественное (искусство), научное и философское. Образ государства получал в различных формах общественного сознания свое специфическое выражение с учетом их образно-рациональной специфики. Отметим, что образы государства не представляли собой типичных гносеологических образов или более или менее адекватных отражений государственно-правовой реальности. Они вполне могли оказаться чрезвычайными символами, субъективными искажениями этой реальности. Изменяясь в ходе истории, эти образы приобретали у различных народов не только рациональные очертания, но и новые мистико-иррациональные черты. Все это вело к тому, что длительное время в деятельности людей преобладали иррационально-хаотический, эмоционально-оценочный и субъективно-прагматический подходы.

Сам процесс становления и развития человека в государственной сфере является по сути дела разворачиванием и утверждением природы человека. И можно вполне определенно утверждать, что образ человека неразрывно связан с образом государства и наоборот.

Государство как социокультурный феномен воспринимается людьми первоначально в виде различных образов, что обусловлено уровнем его развития и особенностями отражения в общественном сознании. Наряду с чувственно-образными складываются и символические представления о государстве. Также важную роль в духовном освоении государства играет его оценивание, которое происходит всегда, поскольку оно практически никому не безразлично.

Так, например, в отличие от Западной Европы на Востоке, в частности, в Китае сложился образ государства как одной разросшейся семьи. Восприятие общего облика государства как единого сообщества прочно закрепилось в европейском менталитете. В эпоху Возрождения происходит зарождение таких дуалистических образов государства, как эгоизм и альтруизм. Н. Макиавелли в своей книге «Государь» выступил с апологией эгоизма, утверждая, что чело-

век является сугубо эгоистическим существом, вследствие чего эгоизм органичен и для природы созданного им государства. В разные исторические эпохи эта проблема приобретала специфические черты, но при этом на передний план всегда выходил вопрос об эгоизме человека. В зависимости от способов его трактовки осуществлялось решение проблемы государства и его природы.

Таким образом, специфические черты образа государства детерминируются как социокультурными факторами, так и тенденциями исторической динамики развития государства. Образ государства претерпевает изменения в связи с изменением исторического типа культуры: 1) мифологической, 2) религиозной и 3) секулярной.

Происходящая в условиях постнеклассической научной рациональности в науках о государстве методологическая революция утверждает новые способы воспроизводства и научной репрезентации государственности. Любое государство жизнеспособно только тогда, когда оно способно воспроизводить себя и, прежде всего, воспроизводить само население [1]. Как показывает история, государства создают реальные люди, и оно функционирует и развивается благодаря их многообразной деятельности. В связи с этим отечественные и зарубежные исследователи, включая юристов, все чаще обращают внимание на исторические и современные формы взаимосвязи антропологии, культурологии и государства. Формирующееся видение открывает перспективы развитию междисциплинарных, интегративных исследований в современной юридической науке, философии, политологии, социологии, обеспечивающих единство базовых концептуальных положений государствоведческих учений (переход от узкоправового и узкополитического к интегративному пониманию природы государства).

#### Литература

1. Антропологическое измерение российского государства / отв. ред. В.Н. Шевченко. – Москва: ИФРАН, 2004. – 214 с.
2. *Степин В.С.* История и философия науки: учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. – 3-е изд. – Москва: Академический проект, 2014. – 424 с.
3. История и методология юридической науки: учебник для вузов / И.Ю. Алексеева, Ю.А. Денисов, И.И. Еремина [и др.]; под ред. Ю.А. Денисова, И.Л. Честнова. – Санкт-Петербург: ИВЭСЭП, 2014. – 560 с.
4. *Чукин С.Г., Сальников В.П., Балахонский В.В.* Философия права: учебник / под общ. ред. В.П. Сальникова, Г.Н. Хона. – Москва: ИМЦ ГУК МВД России, 2002. – 217 с.
5. *Спиридонова В.И.* Эволюция идеи государства в западной и российской социально-философской мысли. – Москва: ИФРАН, 2008. – 186 с.
6. *Гринин Л.Е.* Эволюция государственности: от догосударственной эпохи к надгосударственной // *Личность. Культура. Общество.* 2008. Вып. 5-6 (44-45). С. 184.
7. *Скальник П.* Государство и антропология государства // *Политические исследования.* 2011. № 6 (126). С. 104-108.

8. *Тихомиров Ю.А.* Государство: монография. – Москва: Норма: Инфра-М, 2015. С. 49.

9. *Шмитт К.* Государство и политическая форма / пер. с нем. О.В. Кильдюшова; сост. В.В. Анашвили, О.В. Кильдюшов; гос. ун-т. Высшая школа экономики. – Москва: Высшая школа экономики, 2010. С. 31-35.

## **СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИИ**

**УДК 008**

**Антонова Е.Л.,**

*кандидат философских наук, доцент;*

**Туркина В.Г.,**

*кандидат философских наук, доцент*

(Белгородский государственный институт искусств и культуры)

**Аннотация:** в статье анализируются проблемы сохранения культурно-цивилизационной идентичности России сквозь призму миро-системного подхода, акцентирующего внимание на культурно-цивилизационной специфике обществ западного и незападного типов. Авторами рассматриваются дискуссии о необходимости модернизации незападных культур по европейскому образцу путем отказа от этнокультурной идентификации, тормозящей «всеобщий» переход к гражданскому обществу, относящиеся к различным культурно-историческим периодам (на рубеже XIX-XX веков, в условиях современной глобализации). Обосновывается, что исторически для России западноориентированный модернизационный проект был связан, прежде всего, с кризисом культурной идентичности, вызванным переживанием «разрыва» с историческим прошлым.

**Ключевые слова:** идентичность, культурно-цивилизационная специфика, глобализация, модернизация, Россия, Европа.

## **MODERN PROBLEMS OF PRESERVATION CULTURAL AND CIVILIZATION IDENTITY OF RUSSIA**

**Antonova E.L.,**

*candidate of philosophy sciences, associate professor;*

**Turkina V.G.,**

*candidate of philosophy sciences, associate professor*

(Belgorod state Institute of arts and culture)

**Abstract:** the article analyzes the problems of preserving the cultural and civilizational identity of Russia through the prism of the world-system approach, focusing on the cultural and civilizational specifics of Western and non-Western societies. The authors discuss the need for modernization of non-Western cultures on

the European model by abandoning ethno-cultural identification, inhibiting the «universal» transition to civil society, belonging to different cultural and historical periods (at the turn of the XIX-XX centuries, in the context of modern globalization). It is proved that historically for Russia the West-oriented modernization project was connected, first of all, with the crisis of cultural identity caused by the experience of «break» with the historical past.

**Key words:** identity, cultural and civilizational specifics, globalization, modernization, Russia, Europe.

Переходный период и связанная с ним «болезнь» социальной аномии – утраты ценностных ориентаций, а вместе с ними и традиционной культурной идентификации – проблема не только нашего времени. Первая волна размышлений на эту тему появляется в русской философской рефлексии к концу XIX – началу XX столетия<sup>1</sup>. Именно в этот период дискуссии о необходимости модернизации незападных культур по европейскому образцу путем отказа от этнокультурной идентификации, тормозящей «всеобщий» переход к гражданскому обществу в среде зарубежных «прогрессистов» достигают наивысшего накала. Для России он был связан, прежде всего, с кризисом культурной идентичности, вызванным переживанием «разрыва» с историческим прошлым вследствие угасания культуры общинного крестьянства. В наши дни, в условиях нового глобального перехода, главной становится уже проблема сохранения культурно-цивилизационной идентичности России, что лишает современников права смотреть на свое прошлое лишь как на «косную архаику». Тем более, что смена идентичности – «модернизация» культуры по западному образцу – уже более полувека целенаправленно ведется и контролируется с помощью «джентльменского набора» разнообразных социальных технологий.

Объективное научно-теоретическое осмысление итогов модернизации западной культуры было осуществлено только в XX столетии. В свете социального переворота, свершившегося в России как результат изменения самосознания низов, становится возможным выделение трех основных периодов становления европейской культуры – Возрождения, Реформации и Просвещения как этапов подготовки «европейского массового сознания» к буржуазным революциям и вытекающей из них смены идентичности с этнокультурной на «общечеловеческую»<sup>2</sup>. Частью такой «подготовки сознания» становится отказ европейской письменной культуры от «фонетического письма» как носителя «этноцентризма». На смену ему привлекается письмо каллиграфическое, с последова-

---

<sup>1</sup> Отсюда, по сути, и берет свое начало «философия перехода», приобретающая со второй половины XX столетия форму нескончаемого «дискурса».

<sup>2</sup> Вспомним, лозунги Парижской коммуны: «La liberte'(свобода), l'egalite'(равенство), la fraternite'(братство)», – якобы рожденные «протестом» *низов* против преобразований буржуазного толка, но, по сути, ломавшие исторически установившиеся этнические, культурные и социальные барьеры-стереотипы, «тиражируемые» затем во времени всеми последующими крупными протестными «мероприятиями» Европы (в России они находят отклик в широком общественном сознании только после неудавшегося восстания «*верхов*» на Сенатской площади 1825 г.).

тельным «реформированием» языка. Без этих «мероприятий» все последующее общественное развитие в урбанистической культуре на **«органически»-инновационной** основе вместо **традиционной** было бы гораздо более проблематичным. Для «научного» обоснования необходимости смены идентификации выдвигается идея внутреннего единства мирового исторического и культурного процессов, впервые сформулированная в конце XVII века. У Гегеля – под видом линейности/поступательности развития культуры – она облекается в форму европоцентризма: **«Европа, – пишет он, – есть безусловно конец всемирной истории, а Азия ее начало».** Эта мысль получает дальнейшее развитие и теоретическое обоснование в работах многих западных философов. Таким образом, современное представление о приоритетности западного пути развития человеческой цивилизации – как **единственно возможного**, а значит **универсального образца** – имеет довольно «увлекательную» историю.

Выработанная в рамках «идеи» европоцентризма «технология» изменения сознания для упрощения смены идентификации, в том числе путем **переориентации** «массового сознания» на инокультурные ценностно-мировоззренческие, социальные, образовательные, экономические, политические и др. образцы, проводником которой становилась элита, с разной степенью эффективности начинает применяться консолидированной Европой, начиная с «эпохи» Нового времени. Между тем, для перехода от этнокультурной идентичности к «общечеловеческой» с целью построения «гражданского общества» – с одной стороны, его крайней «атомизации», с другой – перекладывания забот о нем на само общество<sup>1</sup> – самой урбанистической западной культуре понадобилось около четырех столетий. За этот период смена идентичности успела превратиться для нее в органический процесс, который обосновывается и преподносится миру как «прогресс». М. Вебер, раскрывая дух капитализма, выстроенного на протестантской этике, показывает специфику западной модернизации. Его исследование, направленное на выявление основных параметров перехода от традиционного общества/архаики к современному/модерн, осуществленного в рамках европейской культуры, перерастает в определение принципов построения универсальной теории модернизации, предназначенной для «осовременивания» **незападных культур**. Именное ее А. Тойнби определил как «возвышение Запада» – **«вызов»**, требующий адекватного **«ответа»**. Суть этой теории заключается в перманентном характере преобразований, превращающихся в способ существования «модернизирующихся» государств. Со второй половины XX столетия «модернизационную» теорию, ранее применявшуюся только по отношению к колониям, стали называть «догоняющей», «запаздывающей», модернизацией «вдогонку» и разрабатывать для каждой конкретной культуры, подлежащей модернизации, с учетом ее особенностей.

В начале 90-х годов прошедшего столетия в результате известных событий «запускается» «догоняющая» модель модернизации России как «незападного» государства, выстроенная вокруг идеи ее **интеграции в европейское/мировое общество**, хотя по **содержанию культур**, такая интеграция в принципе невоз-

<sup>1</sup> По типу: спасение утопающих – дело рук самих утопающих.

можно. Об этом предупреждал еще Н.Я. Данилевский, категорически выступая против практики европеизации России, а Л.Н. Гумилев сравнивал этот процесс с переливанием несовместимых групп крови. Он считал, что каждый конкретный «этнос – это процесс адаптации к определенному ландшафту, и навыки чужого этноса, называемые цивилизацией, отнимают у аборигенов силы, необходимые для собственного хозяйства; либо, что еще хуже, прививают детям аборигенов навыки, часто убийственные во внеевропейских условиях» [1, с. 21]. В этих условиях, с учетом реальной угрозы смены образцов отечественной культуры на инокультурные, необходимо разрабатывать «контрмеры» по закреплению в общественном сознании ее универсальных «признаков», способных обеспечить устойчивую культурно-цивилизационную преемственность в новом историческом измерении глобализирующегося мира.

Между тем, если закономерности возникновения, функционирования и взаимодействия множества разных «культурных миров», составляющих «глобальную целостность» «мирового» человечества достаточно глубоко изучены, то эффективные способы сохранения культурной идентичности еще не до конца разработаны и осмыслены, так как обсуждение этой проблемы ведется не на научно-теоретической основе, а преимущественно в форме «дискурсов». Как результат, европейский ответ на вызов современной эпохи, выработанный в рамках одного из них, породил множество течений в русле модернизма («неклассики») и постмодернизма («постнеклассики»). Тупиковость такого пути все отчетливее начинают понимать западные философы и исследователи культуры [см., например, 2].

Отечественная культурная и философская традиция оставаясь на позициях классики, не может рассматривать в качестве адекватного «ответа» на «вызов» современности те «пути» и «способы» решения накопившихся проблем, которые предлагает миру постмодерн. Она, если категорически не отрицает возникшую в среде естественников и заимствованную историками, а затем и социальными философами западную эволюционистскую – линейную – теорию прогресса, не терпящую периодов стабильности<sup>1</sup>, то уж точно не поддерживает ее «стержневую» идею создания<sup>2</sup> «нового человека», согласно которой человек – это не точка эволюции, а переходное существо, которое не только способно выйти за рамки ментальности – оно обязано «отдать» свою «ментальность, жизнь и тело в распоряжение эволюции» [см., например, 3].

По всей вероятности именно такое представление лежит в основании «идеи» современной искусственной глобализации, которая, не взирая на возможные крупные человеческие потери, во что бы то ни стало должна состояться. И, прежде всего – в отрицание предшествующего разнообразного цивилизационного и исторического опыта человечества – на основе неосуществимой

---

<sup>1</sup> Так, прогресс как необходимое условие реализации «модерна» предстает в виде нескончаемого процесса, где «то, что однажды исторически осуществилось, представляет собой наивысшую ступень развития Духа, неповторимую, непревзойденную и тотчас вновь безнадежно устаревшую на свалке истории». Это хорошо объясняет причину, по которой периоды стабильности, например, в нашей истории называются «периодами застоя».

<sup>2</sup> Радикальная «ипостась» формирования личности путем ломки/изменения сознания.

практически «общечеловеческой» идентификации, предлагаемой западной техногенно-урбанистической цивилизацией как единственно необходимой.

Как бы предваряя будущие споры о важности сохранения собственной культурно-цивилизационной идентичности и выявления ее слагаемых, Н.Я. Данилевский еще в 1869 году писал, что «*прогресс* состоит не в том, чтобы идти в *одном направлении*, а в том, чтобы все поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества, исходило в *разных направлениях*» [см., например, 4].

За попытку самопознания с целью определения собственной культурной самобытности славянофилам категорически приписывались отрицательное отношение к западной культуре и идеализированный взгляд на русскую «патриархальную старину». Между тем их отношение к западной и русской истории были далеки от подобных прямолинейных оценок. Для всех славянофилов характерно было острокритическое отношение к ценностным основаниям западной цивилизации, но в то же время – признание ее несомненных достижений. Отмечая особый строй русской духовной культуры, они резко отрицательно отнеслись к распаду крестьянской общины, в которой видели оплот сохранения ценностных ориентаций, русской ментальности и национальной культуры, а значит – цивилизационной особенности.

Мировоззренческие ориентиры каждого из представителей этого течения русской философской мысли невидимой нитью связываются с идеей ценностного обновления современной культуры на основе возрождения православной духовной традиции. Большинство исследователей, обращавшихся к этой проблеме, доказывая факт «самости» России, опирались, прежде всего, на выявление ее культурно-исторических корней и антропологического аспекта православного начала, изначально «определивших» основные ценностно-мировоззренческие параметры русской культуры Нового и Новейшего времени. Так как именно в этих границах, посредством «традиционных ориентиров», человек приобретал необходимые для выживания в сложных климатических и геополитических условиях миропонимание, картину мира и ценности, выраженные в духовно-нравственном превосходстве русской культуры, «взятой ... в моменты наибольшей полноты ее самоосуществления, глубокого ее дыхания» [4, с. 20], в большей или меньшей степени еще сохраняющиеся в среде старшего поколения<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Поразительно, но отличительной чертой нашего времени является то, что само «время [опять] славянофильствует», как в начале первой мировой войны выразился В. Эрн, горько сетуя, что славянофильствует именно время, а не люди, так как «умонастроение образованных русских людей в массе теперь, как и в старь, равнодушно или враждебно славянофильским идеям» (См.: Эрн В.Ф. Сочинения. Время славянофильствует. Война. Германия. Европа и Россия. – Москва, 1991). Наше время объективно «славянофильствует» в том смысле, что русская идея всечеловечности вновь «загорается необычайным светом над потоком всемирных событий ... в поразительном созвучии с предчувствиями славянофилов» (См.: Нарочницкая Н. Россия и русские в мировой истории. - Москва, 2003) о судьбах России. Именно как новая попытка «уничтожения[я] российского великодержавия во всех его духовных и геополитических определениях, устранение равновеликой всему совокупному Западу материальной силы и русской, всегда самостоятельной исторической личности с собственным поиском универсального смысла вселенского бытия» (См.: Там же), оценивается наблюдателями современное противостояние всему русскому со стороны разрушающегося Запада.

В «эпоху» нынешнего исторического перелома – «модернизации», противоречиво отражающегося в реалиях современной российской *урбанизированной* культуры – всплеск интереса к народным традициям и обрядности, народной педагогике и православию – «классическая» народная культура переживает внешне похожую на ренессанс сдачу своих позиций. Подробное рассмотрение проблемы сочетания устоявшегося, бытующего на всех уровнях традиционного, с новыми, только зарождающимися тенденциями – новые культурные модели на фоне традиционных – раскрывает причину двойственности ценностных ориентаций у носителей традиционных культурных стереотипов только как факт неразрывности исторических и актуальных культурных процессов. Однако «неразрывность» этих процессов измеряется продолжительностью их жизни. Далее цепь размыкается: традиционное уходит вместе с носителями, в то время как «новое», еще не прошедшее через «горнило» естественного отбора – типизацию, опривычивание, интериоризацию и т.д. (таковы, к сожалению, современные реалии), – становится «традиционным»<sup>1</sup> в сознании представителей отдельных возрастных, социальных и др. групп, что затрудняет, а иногда и вовсе исключает возможность коллективной идентификации, порождая социальную аномию и всевозможные девиации поведения в молодежной среде.

Сложность проблемы сохранения культурно-цивилизационной идентичности, по сути, и заключается в том, что с уходом реальных носителей народной культуры и при «наличии» исключительно ее трансляторов, речь может идти только о сохранении образцов народной художественной культуры, обладающих региональной спецификой, а не культуры в целом. В этом контексте становится очевидным, что «имеющаяся в настоящий момент народная культура – это в большей мере записанная или описанная культура, то есть переведенное в другое измерение явление»<sup>2</sup> ... Запись убрала *контекст* [культуры] ... [как бы] есть текст песни, частушки, сказки, но нет их самих» [5, с. 49], что и превращает «произведения фольклора» в отдельные «образцы культуры». По этой причине в социокультурных реалиях современного глобализирующегося мира, когда культурные образцы, выработанные в рамках одного культурно-исторического типа (русская культура), заменяются культурными образцами, выработанными в рамках другого (западная культура) – понятие «сохранение культуры» должно иметь не менее глобальное значение сохранения культурно-цивилизационной идентичности. Тем более что понятие «русская культура» уже давно вышло за рамки ее сугубо этнической принадлежности<sup>3</sup>.

---

<sup>1</sup> Или, что еще хуже – «сакрализируется».

<sup>2</sup> При том, что до конца XIX века допускалась правка фольклора, сами исследователи, принадлежавшие другому типу культуры, достаточно тенденциозно подходили к подборке фольклорных текстов и допускали их «вольную» интерпретацию.

<sup>3</sup> Носителями русской культуры считают себя представители разных этносов, проживающих как на территории современной России, так и за ее пределами. Возвращение русской культуры в этнические рамки сегодня может представлять опасность обращения к практике «апартеида» на одной пятой земной суши.

Лишенная контекста, в представлении большинства – даже в среде профессионалов – народная культура ассоциируется преимущественно с праздниками и обрядами. Между тем, праздники и обряды, обладающие специфическими региональными особенностями, являются лишь «планом выражения» народной культуры и могут выступать только в качестве внешней формы выражения их культурно-цивилизационной идентичности. Сами по себе они не определяют ее сущность – «план содержания». Для этого существуют более глубинные – субстанциональные – характеристики, задающие параметры культурно-цивилизационной идентификации. Прежде всего, это такие универсалии, как:

- коллективный характер деятельности;
- солидарный характер жизнеустройства;
- оценка настоящего через прошлое, выработанная в границах синтетической формы рефлексии, свойственной культурно-историческому типу русской культуры<sup>1</sup>;

---

<sup>1</sup> Именно по этой причине в «плане выражения» русская история полна «драматизма». Оценивая настоящее через прошлое, русская культура адаптирует «новое», взятое из «чужой» культурной реальности (православие, содержание петровских реформ, экономические реформы XIX века, реформы начала XX и XXI столетий) к своей исторической традиции, и осмысливает «исторические ошибки» путем их «вычленения» и проекции результатов на потери, т.е. – возвращения к прошлому. Так, человеческие потери в отечественной культуре непрерывно осмысливались как в рамках политической публицистики (начиная от писем Курбского Ивану Грозному), философии и истории, так и в религиозной и художественной литературе. Аналогичные потери в западной культуре оставались «незамеченными», «затерявшимися» в «промежутках» исторических «эпох» и никак не осмысливались образованной элитой, так как любые, даже самые непопулярные, преобразования, проводившиеся «верхами» за счет низов, считались закономерными (Фридрих Саксонский, например, так выразил их представление о предназначении низов: «Народ, что трава – чем больше ее вытопчешь, тем больше нарастет»). Если попытки «осмысления» «потерь» и можно найти в европейской литературе (например, Э.Золя «Жерминаль»), то лишь, с одной стороны, как желание показать, что низы могут испытывать такие же чувства – любовь, сострадание, солидарность, с другой – как неизбежный «фон» истории – бунты, восстания – в исторических трактатах.

В русской культурной традиции проникновение в «план содержания» явлений действительности, помимо сохранения культурно-исторической преемственности, давало возможность осмыслить потери как цену «новизны», чтобы сделать попытку от нее отказаться, тогда как в урбанистической культуре, где цель оправдывала средства, а новизна была частью исторического процесса/прогресса – потери становились естественным спутником, результатом и залогом новизны, без которой она не смогла бы состояться. Поэтому потери «низов» никогда не обсуждались и не осмысливались западной культурой с точки зрения национальной трагедии. Парижская коммуна, например – это гордость французской нации и ее истории, несмотря на залитые кровью бедноты пригороды Парижа.

Более того, в современном «демократическом» устройстве западной политической системы смена элит не имеет места (именно в этом и заключен его подлинный смысл, все остальное – целенаправленное отвлечение от истины), поэтому пересмотр деятельности предшественников не требует «перелицовывания» истории и подсчета «жертв» (например, даже в переходные периоды истории пересмотра стратегии не происходит, речь идет лишь об изменении тактики, а в периоды выборов «показывают» «провалы» предшественников... но, только для того, чтобы продолжить намеченную линию).

– соотнесение собственного «я» каждого из ее носителей, обусловленное влиянием православного мировоззрения не с сиюминутностью – здесь и сейчас, как это принято в западной культуре, а с вечностью<sup>1</sup>;

– взвешенный рационализм<sup>2</sup> как противовес западному прагматическому рационализму, требующему принятия быстрых решений, целенаправленно программирующих «последствия» и др.

Вне «плана содержания» выработавшей их культуры, народные праздники и обряды превращаются исключительно в «зрелища» и «гуляния». Только помещенные в адекватный контекст, из отдельных артефактов культуры – «косной архаики» – они превращаются в органическую часть национальной культуры и «средство» ориентации при определении/поиске культурной идентификации. В реальной жизни такой контекст в большей степени зависит не

---

<sup>1</sup> Эти несоответствия между культурами коренятся в разном отношении ко времени. Если «*научное*» мышление, свойственное западной культуре, выстроено на *превосходстве* понятия *времени* над понятием пространства (см.: Э. Кассирера), то в «традиционном» – *мифологическом*, а затем в *фольклорном* – мышлении, свойственном русской культуре, *пространственное мирозерцание* доминирует над временным. Отсюда разница между *синтетической* – фольклорной – формой рефлексии в «неписьменном» (традиционном) типе культуры и *аналитической* формой рефлексии – в «письменном», («прогрессистском»). Так, миф постоянно возвращает сознание к архетипу, «нечувствительному» ко времени, т.е. к идее круга как символу времени – *вечному* возвращению/*вечному* повторению, оппозиционному к устремленной в *бесконечность* прямой линейного – исторического времени. Но, если в первом случае проблема начала-конца не имеет места (родился, чтобы умереть, а умер, чтобы родиться), то во втором – все определяет: круг демонстрирует гармонию «первосоздания», в то время, как прямая соотносится с разрывами во времени – попытками постоянного вмешательства, переустройства, т.е. – «пересоздания» (отсюда и идея «модернизации» незападных культур путем увода их от традиционализма – «первосоздания», – т.е. культурно-цивилизационной идентичности к «пересозданию»).

Поэтому «прогрессистский» (западный) тип культуры удерживается как бы в «плане выражения» явлений действительности, а «традиционный» (отечественная культура) – погружен в их «план содержания». В периоды перехода – в «точке» завершения временного отрезка – исторического периода (линейное время) либо цикла («круговое» время) – в зависимости от типа культуры наблюдается возвращение к архетипам, имевшим место либо в начале исторического периода (западная культура), либо в начале истории (русская культура). В качестве примера могут выступать принятое в западной культуре времяисчисление от Рождества Христова, вместо свойственного традиционным культурам – Сотворения Мира. В русской культуре искусственный переход на западный образец времяисчисления, осуществленный в рамках петровских реформ, был попыткой вывести Россию из ахронного – вечного, «кругового» – времени в линейное время «прогресса». Однако даже культуры, выстроенные на представлении о линейности времени, не застрахованы от возвращения к архетипу круга.

Иными словами, в переходные периоды обращение к исходным моментам («жорням» ли, народной культуре) является закономерным (например, Э. Нойманн утверждает, что Ж.-Ж. Руссо спроецировал такое «возвращение» на современную ему историю). В отечественной культуре обращенность *к вечности* в форме соотнесения настоящего с прошлым может быть прервана лишь с ее «завершением» как явления, т.е. – путем самоотречения. До этого момента оно будет служить «архетипом» культурно-цивилизационной идентичности.

<sup>2</sup> Именно он часто интерпретируется носителями культуры другого типа как иррациональное с их точки зрения «долгое запрягание».

только от актуальной политики, но и от уровня осмысления данной проблемы с учетом реалий современности в среде «посвященных» – специалистов, их энтузиазма и возможности его грамотной трансляции на всех уровнях, занятых формированием общественного сознания. Вырванные из такого контекста, народные праздники и обряды, давно получившие вышеприведенные стойкие определения – «зрелища», «народные гуляния», равно как и др. образцы народной культуры, воспринимаются массовым сознанием и, прежде всего, в молодежной среде, исключительно как «развлекательные» мероприятия, выражающие реалии «чужой» культуры, никак не связанной с современными представлениями и потребностями в ней. Поэтому из двух вариантов «чужой» культуры – собственной *архаической* и западным вариантом *современной* массовой – молодежь в своем большинстве выбирает последнюю. Тем более что почва для этого давно подготовлена: если не лукавить, то в урбанизированном культурном пространстве современной России между понятиями «народная» и «массовая» культура можно поставить знак равенства<sup>1</sup>.

Наиболее очевидным здесь является одно: для продуктивного разрешения проблемы сохранения культурно-цивилизационной идентичности России необходимо, прежде всего в среде специалистов, занимающихся проблемами народной культуры, формировать мировоззрение, выстроенное на реалистическом видении отечественной культуры, дающем адекватное представление о ее основаниях и духовно-нравственном преимуществе. Для этого на теоретическом и социально-практическом уровне следует преодолеть абстрактный редукционизм, сводящий феномены русской культуры к общекультурным цивилизационным характеристикам западного образца, с одной стороны, игнорирующим такой ее специфический тип, как народная, с другой – крестьянство как субъект истории, со всеми вытекающими последствиями для культуры, сущностные и содержательные параметры которой, в прямом и переносном смысле, «аршином общим не измерить». Иначе можно считать «самоотречение» от собственной культуры в обозримом будущем, в основном, уже фактом состоявшимся.

Необходимо прислушаться к словам Виктора Гюго, который завещал своим соотечественникам следующее: «Меняйте ваши мнения, сохраняйте ваши принципы, меняйте листья, сохраняйте корни». Так как именно этому совету – с целью самосохранения в хаосе стремительно глобализирующегося мира, путем отбрасывания «общечеловеческих» ориентаций как заблуждения – в последние десятилетия современной истории, не говоря о Японии, стараются следовать такие ведущие европейские государства, как Франция и Германия. Избежать культурно-цивилизационного «самоотречения» Россия может только при условии сохранения исконного «космического» миропонимания, выстроенного на представлении о всеединстве, и менталитета, основан-

---

<sup>1</sup> Приблизительно такое положение в культуре, но только в другом временном и культурном пространстве, побудило О. Шпенглера к написанию знаменитой работы «Закат Европы».

ного на принципах солидарности и «утилитарности»<sup>1</sup> – взвешенного рационализма, уже не единожды в ходе истории обеспечивавших выживание нации в самых экстремальных условиях.

#### Литература

1. *Гумилев Л.Н.* Заметки последнего евразийца // Наше наследие. 1991. № 3.
2. *Хантингтон С.* Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. – Москва, 2004. – 635 с.
3. *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. – Москва, 1975. – 504 с.
4. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. – Москва, 1991. – 576 с.
5. *Максимов В.Н.* О книге / Цветы необычайные. Народная художественная культура России рубежа веков. – Москва, 2002. – 494 с.
6. *Кичигин В.П.* Народная культура юга России. Опыт систематизации этнофольклорного материала Белгородской области. – Белгород, 2000. – 406 с.

## СОВРЕМЕННАЯ МОЛОДЕЖЬ КАК ЦЕЛЕВАЯ АУДИТОРИЯ ДУХОВНОЙ ДЕСТРУКЦИИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ ИНТЕРНЕТ

УДК 37.061

**Нефёдов А.А.**

(НИУ «БелГУ»);

**Нефёдова Е.А.**

(Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение «Дмитриевская средняя общеобразовательная школа Яковлевского района Белгородской области»);

**Шилищпанов Р.В.,**

*кандидат философских наук*

(НИУ «БелГУ»)

**Аннотация:** данная статья посвящена изучению распространения духовной деструкции в молодежной среде в социальных сетях Интернет. В данном исследовании представлен сравнительный анализ распространения негативного контента в молодежной среде посредством сообществ социальной сети «ВКонтакте» федерального, регионального и городского уровней.

**Ключевые слова:** молодежь, духовная деструкция, социальные сети, группы смерти, негативный контент.

---

<sup>1</sup> Не путать с понятием «экономическая целесообразность», выступающим одной из главных «форм» культурной идентификации в западной цивилизации.

## MODERN YOUTH AS A TARGET AUDIENCE OF SPIRITUAL DESTRUCTION IN SOCIAL NETWORKS OF THE INTERNET

**Nefedov A.A.**

(Belgorod law institute of the Ministry of the interior of the Russian «BelGU»);

**Nefyodova E.A.**

(Deputy director of the municipal budgetary educational school «Dmitrievskaya secondary school of the Yakovlevsky district of the Belgorod region»);

**Shilishpanov R.V.,**

*candidate of philosophic sciences*

(Belgorod law institute of the Ministry of the interior of the Russian «BelGU»)

**Abstract:** this article is devoted to the study of the spread of spiritual destruction in the youth environment in the social networks of the Internet. This study presents a comparative analysis of the distribution of negative content in the youth environment through the communities of the social network «Vkontakte» at the federal, regional and city levels.

**Key words:** youth, spiritual destruction, social networks, death groups, negative content).

В современности социальные сети набирают популярность среди различных слоев населения, однако они наиболее популяризированы среди молодежи. Те изменения, которые происходят в молодежной среде под влиянием социальных сетей, зарождают заинтересованность среди ученых. Основопологающим фактором для такого интереса является неоднозначное воздействие Интернета на человека и общество в целом, что приводит к возникновению как позитивных, так и негативных проявлений среди молодежи.

Анализируя понятие «молодежь», можно прийти к выводу, что к нему относятся лица в возрасте от 14 до 30 лет [1]. По данным ФОМ, современные молодые люди утверждают, что нынешняя молодежь по своим взглядам сильно отличается от тех, кто на 10-15 лет старше их. Причиной такой разницы, по мнению участников проведенного опроса, является «иной менталитет, взгляды на жизнь».

Отличительной особенностью современной молодежи в сравнении с более старшим поколением можно назвать «продвинутость», то есть более грамотное владение современными технологиями. В условиях постоянно развивающейся информатизации общества, именно молодежная аудитория наиболее быстро приспосабливается к стремительно меняющимся условиям, успешно внедряя новые технологии в свою жизнь. Информатизация общества сделала доступной для каждого человека сеть Интернет, что стало решающим фактором в отношении информированности молодых людей. Благодаря этому они имеют доступ к любой информации, что позволяет значительно увеличить уровень образованности и грамотности, расширить кругозор.

В свою очередь, современному российскому обществу в Интернете предоставлен внушительный объем информации, в распространении которой каждый пользователь осознанно или неосознанно принимает участие. На сегодняшний день как позитивная, так и негативная информация в сети распространяется практически бесконтрольно. Молодые люди очень быстро принимают общедоступную информацию, но они не подготовлены к ее правильному отбору, что ведет к потере духовно-нравственных ориентиров. Отсюда следует, что в настоящее время в российском обществе наблюдается духовно-нравственный упадок. Как следствие – сознанию масс присущи установки деструктивного характера, разрушающие личность в контексте формирования личности, семьи и государства.

В 2009 году по заказу Министерства культуры Российской Федерации было проведено исследование в рамках проекта «Динамика культурных потребностей молодежи в контексте современных социокультурных изменений». Исследование показало, что 91,3% опрошенных молодых людей имеют дома компьютер и 84,9% используют для работы и учебы. Среди тех, кто пользуется компьютером, у 84,2% имеется доступ в Интернет.

В рамках другого исследования, которое было проведено Центром социального планирования в 2010 году, выяснено, что основные мотивы молодежи при использовании Интернета – это общение (72,2%) и учеба (51,3%). Не мал процент тех, кто в Интернете следит за новостями и актуальной информацией (35,5%) [2]. Это позволяет сделать вывод о том, что общение в сети Интернет стало главным мотивом для большего количества российской молодежи, чтобы ежедневно заходить в глобальную сеть.

Кроме того, социальные сети являются самым популярным ресурсом в молодежной среде. По данным исследования А.В. Куликовой, 88% опрошенных молодых людей отдают свое предпочтение социальным сетям как способу коммуникации [3]. Несмотря на наличие других способов взаимодействия, как, например, форумы, мессенджеры, лидирующую позицию так или иначе занимают социальные сети.

Абсолютно всех представителей молодежной среды можно назвать активными пользователями Интернета. Исследование А.В. Куликовой показывает, что 43% опрошенных молодых людей тратят на пользование Интернетом до 3 часов, около 40% тратят 4-6 часов и примерно 17% от семи до целого дня [3]. Эта статистика демонстрирует, что большое количество молодежи проводит в Интернете существенную часть дня. Очевидно, что Интернет надежно занял приоритетное место в распределении времени современных молодых людей. Важно отметить, насколько быстро молодежь переходит от реальной жизни к виртуальной.

Непосредственно в рамках данного исследования были проанализированы 5 групп в социальной сети «ВКонтакте» городского уровня, из которых 2 группы с обзором новостей города Белгород и Белгородской области, не несущие никакого негативного подтекста, и 3 группы, имеющие направленность на негативный контент, контент экстремистского характера и кибербуллинг–

«травлю людей в Интернете». Также анализу были подвергнуты группы регионального и федерального уровня в таком же количественном соотношении.

На федеральном уровне проанализированы следующие группы: «AdMe.ru» – из общего количества участников (1235729) молодых людей в возрасте 14-30 лет – 699533 человек, что составляет 56%; «Журнал "Вокруг Света"» – из общего количества участников (107661) молодых людей в возрасте 14-30 лет – 49065 человек, что составляет 45%; «Мужское государство» – из общего количества участников (139947) молодых людей в возрасте 14-30 лет – 105003 человек, что составляет 75%; «СОПРОТИВЛЕНИЕ» – из общего количества участников (63383) молодых людей в возрасте 14-30 лет – 30032 человек, что составляет 47%; «НАЦИЯ | ПРОБУЖДЕНИЕ» – из общего количества участников (24166) молодых людей в возрасте 14-30 лет – 14807 человек, что составляет 61%.

На уровне региона были проанализированы группы: «Публичный Старый Оскол | ПСО» – из общего количества участников (41078) молодых людей в возрасте 14-30 лет – 24497 человек, что составляет 59%; «ВАЛУЙКИ» – из общего количества участников (3508) молодых людей в возрасте 14-30 лет – 2503 человек, что составляет 66%; «Кежуальный» Оскол» – из общего количества участников (1763) молодых людей в возрасте 14-30 лет – 1294 человек, что составляет 73%; «FABERLIC Губкин» – из общего количества участников (738) молодых людей в возрасте 14-30 лет – 414 человек, что составляет 56%; «Черный-Белый список Алексеевка – Бирюч» – из общего количества участников (1287) молодых людей в возрасте 14-30 лет – 1118 человек, что составляет 87%.

На городском уровне были проанализированы группы: «Белгород – это интересно» – из общего количества участников (107972) молодых людей в возрасте 14-30 лет – 66825 человек, что составляет 62%; «2do2go: Белгород» – из общего количества участников (19304) молодых людей в возрасте 14-30 лет – 11308 человек, что составляет 59%; «АПАСНЫЙ И МОДНЫЙ Белгород» – из общего количества участников (3914) молодых людей в возрасте 14-30 лет – 2965 человек, что составляет 76%; «БК131» – из общего количества участников (107972) молодых людей в возрасте 14-30 лет – 66825 человек, что составляет 62%; «Белый Белгород» – из общего количества участников (946) молодых людей в возрасте 14-30 лет – 777 человек, что составляет 82%.

Статистика проанализированных групп показывает, что в группах преобладает количество молодых людей. Отсюда можно сделать вывод, что именно молодежь составляет большую часть пользователей социальных сетей.

Группы, делающие обзор новостей региона, страны, группы, публикующие познавательную информацию, позитивный контент, по численности участников превосходят группы с негативным контентом, однако же свое предпочтение молодежь отдает именно группам с негативным контентом. Анализ публикуемых постов и комментариев к ним показывает, что именно молодые люди ведут социальную активность в Интернете.

Как уже указывалось ранее, социальная сеть используется молодыми людьми для того, чтобы удовлетворять потребность в общении. Но социальные сети, помимо выполнения функции виртуального общения, обмена воззрениями, извлечения информации, в последнее время гораздо чаще являются объектами и средствами информационно-психологического воздействия извне.

Исследование работы социальных сетей и групп в них дает возможность сделать заключение, что не во всех группах публикуется позитивный контент. Часть этих групп можно отнести к так называемым деструктивным.

Под деструктивной деятельностью групп социальных сетей можно понимать: «специфическую человеческую форму активного отношения к миру, основное содержание которой составляет разрушение или нарушение нормального функционирования существующих объектов и систем, обеспечивающих нормальное функционирование личности, общества и государства» [4].

Группам, направленным на деструкцию, не характерна изоляция от общества, но в отличие от групп, прямо им противоположным, они предпринимают попытки борьбы с этим обществом всеми возможными методами, которые являются не всегда законными.

Направленность деструктивных групп на молодое поколение объясняется тем, что эти люди формируют настоящее и будущее общества. Соответственно, организаторы данных групп учитывают современные тенденции молодежи, их предрасположенность к виртуальной жизни и действуют способами, применимыми к современным условиям: организуют свою деятельность в Интернете.

В качестве примера можно привести так называемые «группы смерти» – сообщества подростков-самоубийц. В данном случае подразумеваются не обычные самоубийства, а «рекомендованные». Группы ориентированы на подростков с гуманитарным складом ума, читающих, из благополучных семей. К подростку прикрепляется куратор, который «ведет» ребенка до самого последнего задания, сутью которого является суицид. Обязанностью куратора является дистанционное сопровождение жертв. Как только у подростка появляется чувство подавленности, отчаяния, повышается заинтересованность темой смерти, суицида, начинается более активная переписка со стороны куратора. Его задача – медленно и планомерно подвести подростка к суициду с помощью заданий, количество которых варьируется от 50 до 57.

Анализ данного явления показывает, что в эти группы попасть достаточно проблематично. Из всей массы подростков, желающих сыграть в эту игру, в эти группы попадает до трехсот человек. Эти группы закрытые: каким контентом они наполнены, посмотреть невозможно, но возможно отследить участников и их профили. Анализ группы под названием «#51 задание||AtmosFreeFormulasFormat», которая на данный момент уже заблокирована Роскомнадзором за распространение материалов, пропагандирующих суицид, показал, что на момент анализа в ней находилось 117 молодых людей, средний возраст которых 12-15 лет. В качестве еще одного объекта исследования была выбрана «Закрытая группа Лиса». На момент анализа в группе состояло 257 человек, средний возраст которых составлял 12-15 лет.

Еще одним показательным примером являются группы «А.У.Е». Это явление можно назвать контркультурным в силу того, что оно пропагандирует тюремный образ жизни. Участники следуют уголовным понятиям, отдают свое признание авторитетам преступного мира, копируют тюремные схемы поведения. Основной контингент – дети и подростки 10-17 лет. Группы собираются в банды, которыми руководят молодые люди в возрасте от 25 до 30 лет. В некоторых учебных заведениях школьники, относящие себя к данному движению, собирают ежемесячную подать со своих сверстников, одноклассников, других учеников школ, чтобы отправить деньги криминальным авторитетам, которые отбывают наказание в тюрьмах.

Как второе проявление движения «А.У.Е.» можно выделить особенности коммуникаций в виртуальном мире. Появившись в Забайкалье в 2015 году, свое распространение это движение получило через группы в социальных сетях, став своеобразным «интернет-мемом». Призывы вести свою жизнь «по понятиям» в ленте подобных групп и пабликов вызывает активный интерес у детей и подростков, что привело к тому, что культура «А.У.Е.» вышла из виртуального пространства в реальный мир. Проявлениям этого явления подвержены молодые люди, склонные к пассионарности, готовые жертвовать ради своей идеи.

Анализ этого молодежного явления показал, что все группы данной направленности открытые, т.е. можно посмотреть весь контент, который в них размещается. Называются эти группы одинаково – «\*АУЕ\*», отличия только в форме «звездочек». Изучение двух самых больших по численности (295600 участников и 208193 участников) групп показало, что средний возраст подписчиков – 18-25 лет.

Таким образом, необходимо говорить о том, что основателей всех вышеописанных групп с негативным контентом можно назвать «ловцами душ», это – основатели разного рода тоталитарных объединений или же преступных группировок, которые жаждут власти или же просто обычной наживы. Они уводят, отвлекают своих адептов от созидания, активной общественной деятельности и обещают решить все их жизненные трудности при том условии, что они выполнят ряд требований; замыкают участников на самих себя, внушают страх перед какими-то событиями, перспективой мщения или наказания, возможностью удовлетворения каких-либо потребностей (например, обогащения, попадания в рай, популярности и т.д.).

Организаторы этих деструктивных групп имеют четкие цели и конкретные алгоритмы действий, методологию их осуществления, материальные ресурсы, финансирование. Они обладают глубокими знаниями психологии, педагогики, техники, медицины, прошедшие профессиональную подготовку по методам проведения специальных операций и конспирации. Адепты такого рода объединений – люди, преданные определенной идее, ради которой они готовы жертвовать практически всем, вплоть до своей жизни.

К сожалению, следует принять тот факт, что в современном мире социальные сети в Интернете являются очень мощным инструментом деструктивного информационно-психологического воздействия с целью манипуляции личностью, социальными группами и обществом в целом.

#### Литература

1. Распоряжение Правительства РФ от 29.11.2014 № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года». Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://legalacts.ru/doc/rasporjazhenie-pravitelstva-rf-ot-29112014-n-2403-r/> (дата обращения: 23.01.2018).

2. Горшков М.К. Молодежь России: социологический портрет. – 2-е изд., доп. и испр. – Москва: ЦСПиМ, 2010. – 592 с.

3. Куликова А.В. Особенности интернет коммуникаций // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия «Социальные науки». 2012. № 4. С. 19-24.

4. Лысак И.В. Человек – разрушитель: деструктивная деятельность человека как социокультурный феномен. Интернет-ресурс. Режим доступа: [http://society.polbu.ru/lysak\\_destroyer/ch02\\_all.html](http://society.polbu.ru/lysak_destroyer/ch02_all.html) (дата обращения: 23.01.2018).

## СТРУКТУРНЫЕ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕРМИНОЛОГИИ УГОЛОВНОГО ПРАВА

УДК 81: 001.4

**Таранова Е.Н.,**

*кандидат филологических наук;*

**Ермакова Л.Р.,**

*кандидат филологических наук, доцент*

(НИУ «БелГУ»);

**Колесникова К.А.,**

*кандидат филологических наук*

(Бел ЮИ МВД России имени И.Д. Путилина)

**Аннотация:** возникновение и развитие права немыслимо без языка. Одним из ключевых элементов языка права является юридическая терминология. Терминология различных наук характеризуется некоторыми общими особенностями. Вместе с тем, у каждой научной терминологии, относящейся к той или иной области знания, есть свои особые черты. Терминология уголовного права представляет собой в этом отношении особый интерес. Ее изучение позволяет раскрыть специфику данной терминосистемы. Специфика языка права определяется особенностями социального отражения юридически значимых аспектов человеческих взаимоотношений. Вопросы, связанные с юридической терминологией, привлекают внимание как лингвистов, так и правоведов. Од-

нако в отличие от специалистов в области языка, юристы не занимаются в достаточной мере проблемами, связанными с совершенствованием словесной формы нормативных предписаний. В тексте законов часто встречается большое количество погрешностей, включающих неправильное употребление слов, неточность выражений, смысловая и синтаксическая избыточность, не говоря уже о грамматических и пунктуационных ошибках. Важнейшие функции терминологии в языковой системе – выражать максимально точно средствами национального языка научные понятия – обуславливают источники формирования терминологии за счет собственных ресурсов, а также посредством заимствования. Цель статьи заключается в системном анализе структурных и словообразовательных особенностей формирования терминологии уголовного права. В статье анализируются и описываются характерные для данной отрасли знания словообразовательные модели и способы терминообразования. Объектом исследования выступает терминология уголовного права. Предметом рассмотрения служат структурные и словообразовательные особенности терминологических единиц в уголовном праве.

**Ключевые слова:** терминология, юридическая терминология, терминология права, понятие юридического термина, способы словообразования уголовно-правовых терминов, модели словообразования терминов, терминообразование.

## **STRUCTURAL AND WORD-FORMING PECULIARITIES OF THE CRIMINAL LAW TERMINOLOGY**

**Taranova E.N.,**

*candidate of philological sciences;*

**Ermakova L.R.,**

*candidate of philological sciences, associate professor*

(Belgorod law institute of the Ministry of the interior of the Russian «BelGU»);

**Kolesnikova K.A.,**

*candidate of philological sciences*

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

**Abstract:** the emergence and development of law is inconceivable without language. One of the key elements of the language of law is the legal terminology. The terminology of various sciences is characterized by certain common features. At the same time, each scientific terminology related to this or that field of knowledge has its own special features. The terminology of criminal law is of special interest in this respect. Its study allows us to reveal the specifics of this terminological system. Specific character of the law language is determined by the peculiarities of social reflection of legally significant aspects of human relationships. Issues related to legal terminology attract attention of both linguists and jurists. However, unlike specialists in the field of language lawyers are not sufficiently involved in problems related to the improvement of the verbal form of regulatory prescriptions. A lot of errors often occur in the text of

laws including misuse of words, inaccuracy of expressions, semantic and syntactic redundancy, not to mention grammatical and punctuation mistakes. The most important functions of the terminology in the language system is to express as precisely as possible by means of the national language scientific concepts determine the sources of terminology formation at the expense of one's own resources, and also through borrowing. The purpose of the article is to analyze systematically the structural and derivational features of the formation of the criminal law terminology. The article analyzes and describes the word-formation models and methods of term formation characteristic for this branch of knowledge. The object of research is the terminology of criminal law. The subject of consideration is structural and derivational feature of terminological units in criminal law.

**Key words:** terminology, legal terminology, terminology of law, concept of legal term, ways of word formation of criminal legal terms, word formation models of terms, term formation.

В мировой юридической науке сложились две точки зрения на статус естественного языка, который используется в правовой сфере. Одна из них заключается в том, что язык правовых текстов рассматривается как особый юридический язык, предназначенный для специалистов с соответствующим образованием, профессионалов, другая – в том, что язык права это подстиль литературного языка.

Под юридическими терминами мы будем понимать специальные понятия, закрепленные в языке права. Для нашего исследования мы выбрали терминологию уголовного права, так как считаем, что анализ и разработка уголовно-правовой терминологии является неотложной задачей. Ошибки в правоприменении и понимании значения терминов носителями «обыденного сознания» могут сыграть решающую роль в жизни людей.

Право как система правил и терминология права тесно взаимосвязаны. Правовая терминология является важной составной частью правовой техники процесса создания правовых текстов, их интерпретации и в целом применении права. Можно утверждать, что правовая терминология оказывает влияние на функционирование правовой системы.

Вопрос отграничения термина от слов общего употребления представляет собой особую сложность для юридической терминологии. Во-первых, это связано с тем, что общеупотребительная лексика и юридическая терминология очень близки и большая часть юридических терминов – это переосмысление общеупотребительного слова и словосочетания, которые возникли в общеупотребительном языке. Во-вторых, проблема усложняется тем, что юридическая терминология включает в себя как терминологию права (целую область знания), так и терминологию науки – правоведения (юриспруденции), которые находятся во взаимосвязи, но различаются временем возникновения и своими характерными особенностями [1, с. 4].

Немаловажно отметить тот факт, что лингвисты и юристы несколько отлично друг от друга трактуют понятие юридического термина и юридической терминологии. Так, в «Большом юридическом словаре» понятие юридического термина определяется следующим образом: «Юридические термины – это элемент юридической техники; словесные обозначения государственно-правовых понятий, с помощью которых выражается и закрепляется содержание нормативно-правовых предписаний государства» [2, с. 619]. Савицкий дает следующее определение: «Юридические термины – это слова (или словосочетания), которые являются наименованиями определенных юридических понятий» [3, с. 21].

В качестве источника терминов для нашего исследования мы выбрали Уголовный Кодекс Российской Федерации, так как полагаем, что тексты главных законов в УК являются наиболее полными и репрезентативными источниками терминов уголовного права. Чаще всего именно в текстах закона термины получают первоначальную «легализацию». Однако бесспорно юридическая терминология содержится и используется во многих других нормативных актах, в том числе в юридической доктрине уголовного права и научной литературе.

Следует отметить, что в выборке анализируемого нами материала, помимо отраслевой, употребляется межотраслевая и общеправовая терминология, например: *авторское право, частный детектив*. Наряду с этим встречается терминология, относящаяся к другим отраслям права (*административное взыскание, налоговый агент, должник*). Данная терминология намеренно исключена из круга нашего анализа, так как цель проводимого нами исследования – анализ собственно уголовно-правовой терминологии.

Критериями для отбора терминов, наряду с общей смысловой соотнесенностью лексем и сочетания лексем с определенным уголовно-правовым понятием, являлись:

- наличие дефиниции понятия непосредственно в тексте УК РФ;
- наличие дефиниции понятия в «Большом Юридическом словаре» (с упоминанием в словарной статье принадлежности этого термина к области уголовного права);
- наличие дефиниции понятия в Энциклопедии Юриста (с упоминанием в словарной статье принадлежности этого термина к области уголовного права);
- юридические термины и терминологические словосочетания, которые не имеют ни нормативной дефиниции в кодексе, ни словарной дефиниции в упомянутых выше использованных словарях.

Перечисленные выше условия являются, по нашему мнению, достаточным основанием для того, чтобы отнести термины к уголовно-правовым.

Полученные методом выборки термины были разделены нами на четыре группы:

- 1) термины, имеющие дефиницию непосредственно в УК РФ;
- 2) термины, дефиниция которых не приведена в УК РФ, но ее можно сформулировать самостоятельно, руководствуясь смыслом статей кодекса;

3) термины, не имеющие дефиниции в УК РФ, но имеющие подробную и распространенную дефиницию хотя бы в одном перечисленных выше словарей.

В выборке терминов встречаются заимствованные термины. Сведения о их происхождении часто приводятся в словарных статьях словарей. Для некоторых случаев мы использовали этимологический словарь русского языка Фасмера.

Немногочисленные иноязычные по происхождению однословные термины представлены заимствованиями из следующих языков:

– из латинского: *арест, дезертирство, нотариус, терроризм, рецидив, фальсификация* и др.;

– из греческого: *амнистия, пиратство* и нек. др.;

– из английского: *хулиганство* и нек. др.;

– из итальянского: *контрабанда* и нек. др.;

– из немецкого: *бандитизм, штраф* и нек. др.;

– из французского: *патрулирование, пикетирование, садизм* и др.

В ходе анализа мы установили, что терминология уголовного права представлена однословными терминами и терминологическими словосочетаниями. Несмотря на меньшинство, однословные термины составляют ядро уголовно-правовой терминологии. Однословные термины представляют собой основу понятийного аппарата уголовного права [1, с. 24]. Пример однословных уголовно-правовых терминов: *амнистия, арест, бандитизм, вина, клевета, кража, преступление, помилование, подстрекатель, судимость, угроза* и др. Большинство однословных терминов это исконные по происхождению термины, такие как: *взятка, заложник, побег, побои, погром, посягательство, хищение* и др. Иноязычное влияние, по мнению некоторых ученых, приобретает наибольшую значимость с появлением и развитием права как науки, то есть – правоведения [1, с. 79]. Влияние иноязычных правовых систем на российское право во время его становления было не очень сильным.

Анализ незаимствованных однословных терминов уголовного права с точки зрения способов словообразования показал, что можно выделить следующие способы.

#### **Морфологический.**

В морфологическом способе словообразования следует выделить:

1) деривацию – процесс создания новых лексем с помощью морфем (аффиксов), которые присоединяются к уже существующей основе. Суффиксация это наиболее часто встречающийся способ. Наиболее распространенными словообразовательными суффиксами являются:

– *ни-е//ени-е* (со словообразовательным значением «обобщенное, вещественное или собирательное понятие, являющееся результатом действия, имевшего место в прошлом»), например: *деяние, истязание, наказание, оскорбление, опьянение, похищение* и др.;

– *ость* (со словообразовательным значением непроцессуального признака), например: *невменяемость, правомерность, противоправность, судимость* и др.;

– **ств-о** (со словообразовательным значением процессуального признака), например: *вымогательство, издевательство, мошенничество, убийство, членовредительство и др.*;

– **к-а** (со словообразовательным значением «собирательное понятие, являющееся результатом действия»): *взятка, пытка, подделка* и др.

Нулевая суффиксация (выражает словообразовательное значение опредмеченного действия). Данное языковое явление встречается в единичных случаях. Примеры: *поджог, подлог, угон* и др.

2) префиксацию, которая как способ словообразования также не часто встречается. Префиксы, участвующие в образовании терминов:

– **не-** (со словообразовательным значением «отсутствие признака или противоположности тому, что названо мотивирующим словом»): *неправомерный, несовершеннолетний, нетрудоспособный* и др.;

– **по-** (со словообразовательным значением повторяемости действия или совершаемости действия многими субъектами), например: *побег, побои* и др.;

– **со-** (со словообразовательным значением предмета, объединенного совместностью, взаимной связью с другим предметом, названным мотивирующим словом): *соисполнитель, соучастник* и др.

**Сложение** как способ образования новых терминологических единиц встречается в материале исследования в единичных примерах: *правомерный, правообладатель* и др.

**Постфиксация и префиксально-суффиксальный** способ словообразования в материале исследования не встретились.

**Суффиксально-сложный** способ словообразования встречается в единичных примерах: *правосудие, самоубийство* и др.

Рассмотрение анализируемых терминов уголовного права позволяет нам сделать вывод о том, что в приоритете образование существительных с абстрактным значением. Наиболее продуктивным является образование существительных от глаголов. Это можно объяснить тем, что право в действительности часто описывает понятие, которое представляет собой результат каких-либо действий или бездействия. Мы можем утверждать, что в исследованном нами материале отмечаются тенденции, свойственные как терминологии в целом, так и черты, характерные именно для юридической терминологии. Под последним мы понимаем бóльшую степень системности словообразовательных средств и устойчивое соотношение словообразовательных типов и словообразовательных значений формантов, приоритетная роль глагольных мотивирующих основ, обусловленная необходимостью обозначения опредмеченных действий, агентов и адресатов действий, а также предметов и понятий, характеризующихся действием.

Наибольшее число терминов исследованного материала представляют собой составные термины (термины, состоящие из двух и более лексем). Эти термины являются результатом синтаксического способа образования новых терминов.

Многие лингвисты отмечают важность словосочетаний в формировании терминологии. Так, С.П. Хижняк утверждает, что полилексемные термины использовались в правовой терминологии еще в периоды ее зарождения. Ученый говорит о том, что характер моделей терминов-словосочетаний был практически неизменным во все периоды развития юридической терминологии, происходили лишь незначительные изменения в их продуктивности в разные периоды времени, но это уже объясняется скорее лингвистическими факторами, развитием языковой системы как таковой, нежели изменениями правовой мысли [1, с. 100-101].

Двусоставные термины представляют большую часть выборки. Это такие словосочетания как: *антиобщественные действия, исправительное учреждение, назначение наказания, отправление наказания, огнестрельное оружие, раскрытие преступлений, орудие убийства, совершение деяния* и др.

Трехсоставные терминологические словосочетания составляют незначительную часть. К ним относятся: *время совершения преступления, орудие совершения преступления, заведомо ложное показание* и др.

В материале исследования представлены в небольшом количестве терминологические словосочетания, состоящие их четырех и пяти компонентов. Примеры: *принудительные меры медицинского характера, угроза причинением тяжкого вреда здоровью* и др.

С точки зрения структуры двусоставные термины представлены следующими моделями:

1) **прилагательное + существительное**: *взрывное устройство, государственная измена, государственная тайна, массовые беспорядки, общественная опасность, предварительный сговор, рабский труд, служебный подлог, умышленное преступление, экстремистская деятельность* и др.;

2) **существительное + существительное**: *задержание подозреваемого, лишение свободы, неприкосновенность жилища, отчуждение имущества, похищение человека, рецидив преступлений, срок давности, соучастник* и др.

Данная модель выражается сочетанием имени существительного в именительном падеже с именем существительным в родительном падеже;

3) **причастие + существительное**: причастия выполняют те же атрибутивные функции, что и прилагательные в модели прилагательное + существительное, например: *смягчающие обстоятельства, охраняемые интересы*;

4) **глагол + существительное**: *отбывать наказание, устанавливать срок, применять меры, раскрыть преступление, усиливать наказание* и др.

Словосочетания, состоящие из трех и более компонентов, представлены следующими моделями:

1) **прилагательное + прилагательное + существительное**: *поддельные кредитные карты, поддельные ценные бумаги*. Данные примеры представляют собой конструкцию, в которой сочетание второго прилагательного и существительного представляют собой одну номинативную единицу, к которой относится дополнительный атрибут. Эти сочетания можно считать структурной разновидностью модели прилагательное + существительное;

2) **прилагательное + существительное + существительное**: *пожизненное лишение свободы, незаконное лишение свободы, обратная сила закона* и др. Каждое из этих терминологических сочетаний по сути представляет собой основу, выраженную словосочетанием, образованным по модели существительное + существительное, распространенную неким признаком, выраженным прилагательным. Данную модель можно также считать разновидностью модели прилагательное + существительное. Следует отметить, что сами по себе сочетания, которые мы называем основой будь то модель прилагательное + существительное или существительное + существительное не являются юридическими терминами в прямом понимании этого явления.

Так, словосочетание *лишение свободы* в уголовном праве всегда распространено каким-либо атрибутом: *пожизненное лишение свободы, лишение свободы на 10 лет*.

Терминологическое словосочетание *сила закона* употребляется в сочетании *обратная сила закона*, а словосочетание *кредитные карты и ценные бумаги* имеют терминологическое значение, но являются терминами финансового права;

3) **наречие + прилагательное + существительное** (с разновидностью **наречие + причастие + существительное**): *заведомо ложный донос, общественно опасное деяние, особо крупный размер* и др. Наиболее часто встречающимися наречиями являются лексемы *особо, заведомо, постоянно*. Наречие уточняет способ реализации признака, названного прилагательным. Терминологические словосочетания *общественно опасное деяние, общественно опасное бездействие* выражают общественную опасность того или иного события или явления. Эти терминологические словосочетания восходят к уголовно-правовому термину *общественная опасность* и выражают его в виде характеристики действия, бездействия или последствий;

4) **глагол + прилагательное + существительное**: *нарушать общественный порядок, подлежать уголовной ответственности* и др.

Четырехсоставные терминологические сочетания образованы по следующим моделям: **прилагательное + существительное + прилагательное + существительное**: *насильственное действие сексуального характера* и др. Разновидностью этой модели является конструкция **прилагательное + существительное + прилагательное + существительное (+существительное)**: *умышленное причинение тяжкого вреда здоровью* и др.

Приведенные выше примеры терминологических сочетаний из четырех и более единиц являются соединением структурно более простых терминологических сочетаний. Однако мы считаем их едиными цельными терминами, так как именно в таком виде они выполняют свою терминологическую функцию, а именно являются наименованиями того или иного состава преступлений.

В терминологии уголовного права часто встречаются конструкции с притяжательными прилагательными, которые используются чаще всего для названия преступлений (*необоснованное увольнение, физическое принуждение* и др.), субъектов и объектов преступлений (*должностное лицо, законный*

*представитель*), обстоятельств совершения преступлений (*испытательный срок, особая жестокость*), последствий их совершения (*исправительные работы, уголовная ответственность*) и других отношений.

#### Литература

1. *Хижняк С.П.* Юридическая терминология: Формирование и состав. – Саратов, 1997. – 136 с.
2. *Додонов В.Н., Ермаков В.Д., Крылова М.А.* Большой юридический словарь. – Москва: Инфра-М. – 790 с.
3. *Савицкий В.М.* Язык процессуального закона. Вопросы терминологии. – Москва: Наука, 1987. – 288 с.

### **ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННАЯ СЕТЬ «ИНТЕРНЕТ» КАК СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПОВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ**

**УДК 351.74:004.77**

**Титова Е.А.,**

*кандидат юридических наук*

(Барнаульский юридический институт МВД России)

**Аннотация:** в данной статье проведен анализ использования Министерством внутренних дел Российской Федерации ресурсов информационно-телекоммуникационной сети Интернет в процессе реализации отдельных принципов деятельности полиции. Мониторинг системы администрирования и собственно контента страниц ведомства в социальных сетях позволяет выявить ряд проблем, устранение которых может повысить привлекательность, доступность и открытость деятельности органов внутренних дел.

**Ключевые слова:** принципы деятельности полиции, открытость, публичность, доверие к полиции, Интернет, полиция.

### **THE INFORMATION AND TELECOMMUNICATION NETWORK «THE INTERNET» AS A MEANS OF IMPLEMENTING PRINCIPLES OF POLICE ACTIVITY**

**Titova E.A.**

*candidate of jurisprudence sciences*

(Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia)

**Abstract:** this article analyzes the use by the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation of the resources of the information and telecommunication network The Internet in the process of implementing certain principles of police activity. Moni-

toring of the administration system and the actual content of the agency's pages in social networks can reveal a number of problems, the elimination of which can increase the attractiveness, accessibility and openness of the activity of law enforcement bodies.

**Key words:** principles of police activity, openness, publicity, trust in the police, the Internet, police.

Фундаментом любого вида государственной деятельности, в том числе и правоохранительной, служат нормативно закрепленные принципы ее осуществления, которые придают такой деятельности наполненный, целостный, системный характер, адаптируют ее к внешним условиям, оптимизируют с точки зрения внутреннего содержания.

В основу деятельности полиции Федеральным законом от 07.02.2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»<sup>1</sup> заложены такие принципы, как соблюдение и уважение прав человека и гражданина, законность, беспристрастность, открытость и публичность, общественное доверие и поддержка граждан, взаимодействие и сотрудничество, использование достижений науки и техники, современных технологий и информационных систем. В числе названных принципов деятельности полиции особое место занимает принцип открытости и публичности, установленный статьей 8 закона о полиции.

Данная норма коррелируется с положениями Распоряжения Правительства Российской Федерации от 30.01.2014 г. № 93-р «Об утверждении Концепции открытости федеральных органов исполнительной власти»<sup>2</sup>.

Исходя из целей названной Концепции, под открытостью следует понимать уровень обеспеченности информацией о деятельности федерального органа исполнительной власти, которая является открытой, общедоступной и достоверной, в формате удобном для ее поиска, обработки и дальнейшего использования, в т.ч. в форме открытых данных.

В рамках реализации принципа открытости и публичности, а также принципа использования достижений науки и техники, современных технологий и информационных систем, Министерство внутренних дел Российской Федерации в качестве одной из платформ обеспечения информационной открытости использует ресурсы информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Перечень информации о деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации, размещаемой в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, утвержден указом Президента Российской Федерации от 10.08.2011 г. № 1060<sup>3</sup>.

---

<sup>1</sup> Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» // СПС «КонсультантПлюс». 2017. Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

<sup>2</sup> Распоряжение Правительства Российской Федерации от 30.01.2014 № 93-р «Об утверждении Концепции открытости федеральных органов исполнительной власти» // СПС «КонсультантПлюс». 2017. Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

<sup>3</sup> Указ Президента Российской Федерации от 10.08.2011 № 1060 (ред. от 24.08.2017) «Об утверждении перечня информации о деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации, размещаемой в информационно-телекоммуникационной сети Интернет» // СПС «КонсультантПлюс». 2017. Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

Как справедливо отмечает И.А. Панфилов, «наиболее значимая информация, в т.ч. о деятельности полиции, сегодня концентрируется, обсуждается и распространяется преимущественно в сети Интернет, которая благодаря своей доступности и популярности выступает в роли одного из источников сведений наряду с печатными изданиями, радио, телевидением, но при этом качественно отличается от них» [1, с. 31].

Обратимся к некоторым ресурсам информационно-телекоммуникационной сети Интернет, обеспечивающим реализацию принципов, закрепленных статьями 8 и 11 закона о полиции.

Согласно перечню справочника «МВД России в социальных сетях» [2], официальные аккаунты Министерства внутренних дел Российской Федерации и его территориальных органов в субъектах Российской Федерации представлены в количестве 479 шт. В составе названных источников представлены официальные сайты МВД России и его территориальных органов, страницы в различных социальных сетях: «Twitter», «ВКонтакте», «Facebook», «Instagram», «Одноклассниках», а также в видеохостинге – «Youtube». При этом обращает на себя внимание тот факт, что в названный справочник наряду с собственно социальными сетями попали как официальные сайты, так и «Youtube», по сути, социальной сетью не являющийся. Поскольку в приведенном перечне 72,1% аккаунтов размещены в социальных сетях, целесообразно проанализировать их использование МВД России и его органами.

На момент мониторинга наиболее востребованной социальной сетью является «Twitter» (90 шт. или 18,8% от общего количества аккаунтов), лидером читателей в данном ресурсе выступает МВД России – более 124 тысяч. Примечательно, что аккаунты территориальных органов подобной популярностью не пользуются, в числе наиболее «читаемых» отметим МВД России по Республике Крым (2434 читателя), МВД России по Республике Дагестан (1375 читателей), УМВД России по г. Севастополю (1322 читателя), ГУ МВД России по г. Москве (1212 читателей). МВД России по Республике Коми в некотором смысле является аутсайдером по продвижению данного ресурса – 44 читателя. В качестве наиболее часто встречающегося замечания по оформлению страниц в «Twitter» можно указать на игнорирование территориальными органами в своем названии слова «Россия», чаще используется МВД в сочетании с названием субъекта РФ. С точки зрения контекста страниц выявляются факты размещения на них информации явно личного характера, прямо к деятельности полиции не относящейся, что само по себе недопустимо ввиду анонсирования официального характера страницы или группы. В определенной степени это подрывает сам статус информации, ее ценность и достоверность.

Еще одну особенность удалось установить в результате анализа использования социальных сетей для повышения степени открытости и публичности, это явные различия в перечне таких ресурсов. Так, например, МВД России своим аккаунтом размещается в пяти социальных сетях, а МВД России по Республике Алтай лишь в «Twitter».

По некоторым оценкам популярность социальных сетей весьма динамична, в частности, первые места в рейтинге социальных сетей по популярности среди российских пользователей достаются **ВКонтакте** и **Одноклассникам**. Эти сайты пока что уверенно лидируют в России, и, по опросу аудитории, 39% и 32% опрошенных заявили, что имеют аккаунты в этих социальных сетях и пользуются ими [3]. Учитывая данное обстоятельство, полагаем, что МВД России необходимо сформировать своего рода IT-политику с точки зрения обеспечения открытости своей деятельности в социальных сетях с учетом предпочтений аудитории.

Своего рода унификацию в сфере использования Министерством внутренних дел Российской Федерации и его территориальными органами социальных сетей можно провести посредством выработки разъяснений или методических рекомендаций. В них целесообразно сформулировать общие требования к содержанию и оформлению контента страниц и групп, предложений по их популяризации и релевантности, что, в свою очередь, по нашему мнению, будет способствовать повышению открытости и публичности деятельности полиции.

#### Литература

1. *Панфилов И.А.* О роли сети Интернет в формировании общественного мнения о деятельности органов внутренних дел // Российский следователь. 2013. № 5. С. 31-33.
2. [https://мвд.пф/contacts/presscenter/sotsialnye\\_seti](https://мвд.пф/contacts/presscenter/sotsialnye_seti).
3. <http://megapoisik.com/sotsseti-samye-populjarnye-sajty-v-rossii>.

## НЕЗАКОННАЯ МИГРАЦИЯ КАК ВОЗМОЖНЫЙ ИСТОЧНИК УГРОЗ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

УДК 343.3::314.74

**Агарков А.Ф.,**

*кандидат исторических наук*

(Бел ЮИ МВД России имени И.Д. Путилина)

**Аннотация:** в статье рассматриваются угрозы для национальной безопасности России, вызванные наличием незаконной миграции. Уделяется внимание механизмам противодействия преступлениям в сфере миграционного законодательства.

**Ключевые слова:** незаконная миграция, нелегальная миграция, национальная безопасность, законодательство, Министерство внутренних дел.

## ILLEGAL MIGRATION AS A POSSIBLE SOURCE OF THREATS TO NATIONAL SECURITY

**Agarkov A.F.,**

*candidate of historical sciences*

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

**Abstract:** the article deals with the threats to the national security of Russia caused by illegal migration. Attention is paid to the mechanisms of combating crimes in the field of migration legislation.

**Key words:** illegal migration, irregular migration, national security, legislation, Ministry of the interior.

Незаконная миграция является угрозой национальной безопасности России. В «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» указывается, что незаконная миграция за счет использования труда нелегальных мигрантов является одной из основных причин развития теневой экономики, способствует возникновению межнациональной и межконфессиональной напряженности и экстремизма.

Принято выделять понятие «нелегальной миграции», которое отличается от «незаконной миграции» тем, что лицо пересекает границу не с помощью поддельных документов, а без документов и разрешения компетентных органов, укрывшись в тайниках транспортных средств [1, с. 53]. Понятие «незаконная миграция» означает процесс перемещения людей из одного государства в другое с нарушением существующих международных и национальных норм.

В условиях современного мира противодействие незаконной миграции является одной из важнейших задач в деятельности правоохранительных органов, которая направлена на выявление и устранение обстоятельств, которые способствуют этому явлению.

Для решения данной проблемы в Российской Федерации существует комплекс правовых и организационных мер, призванных противодействовать незаконной миграции. Так, миграционное законодательство Российской Федерации, включающее в себя более 240 нормативных правовых актов, прежде всего посвящено трудовой иммиграции и статусу мигрантов, противодействию нелегальной миграции [2, с. 54].

Уголовный кодекс Российской Федерации для предупреждения преступлений мигрантов-иностранцев содержит: ст. 322.1 «Организация незаконной миграции»; ст. 322.2 «Фиктивная регистрация гражданина Российской Федерации по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации и фиктивная регистрация иностранного гражданина или лица без гражданства по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации»; ст. 322.3 «Фиктивная постановка на учет иностранного гражданина или лица без гражданства по месту пребывания в жилом помещении в Российской Федерации». Административная ответственность за нару-

шение государственной границы Российской Федерации и режима пребывания иностранных граждан или лиц без гражданства на территории Российской Федерации предусмотрена в гл. 18 КоАП РФ [3, с. 22].

Для борьбы с нарушениями в сфере миграции Российская Федерация развивает сотрудничество с другими государствами, что дает возможность согласовывать действия между странами в вопросах противодействия миграционным потокам. Так, Российская Федерация подписала Соглашение о сотрудничестве между правительствами государств – членов Шанхайской организации сотрудничества в борьбе с преступностью, согласно которому стороны взаимодействуют в вопросах пресечения, раскрытия и предупреждения преступлений в сфере миграции.

Незаконная миграция во многом объясняется недостатками в прогнозировании реальных потребностей в трудовых мигрантах. Работодатели зачастую прибегают к использованию нелегальных мигрантов, так как это позволяет экономить на оплате труда мигрантов. Данный факт стал причиной того, что в миграционное законодательство Российской Федерации были внесены изменения, которые упрощают постановку на миграционный учет, а также правила осуществления трудовой деятельности представителями других государств, находящимися в Россию без виз. Кроме того, среди обстоятельств, которые способствуют развитию нелегальной миграции, можно выделить низкий уровень социального и экономического обеспечения иностранцев.

Негативные явления в миграционной сфере, и прежде всего криминальность ситуации объясняют необходимость усиления превентивных подходов в деятельности государственных органов по противодействию незаконной миграции.

В качестве основных направлений противодействия незаконной миграции можно выделить:

- развитие миграционного законодательства;
- улучшение работы правоохранительных органов и органов государственного контроля в сфере работы с миграцией;
- обеспечение достойного уровня социального и экономического благосостояния трудовых мигрантов.

На борьбу с незаконной миграцией направлена деятельность целой системы государственных органов, среди которых – Министерство внутренних дел Российской Федерации, Федеральная служба безопасности Российской Федерации, Министерство иностранных дел Российской Федерации, Федеральная служба судебных приставов, Федеральная служба исполнения наказания. Эффективность совместной согласованной деятельности указанных государственных структур в рамках своих специальных направлений деятельности позволит достичь оптимального результата. Например, большое значение имеет координация деятельности правоохранительных органов по предупреждению преступности среди мигрантов, которая осуществляется прокуратурой Российской Федерации. Также высока роль профилактических мероприятий и

специальных операций, которые проводятся совместно государственными органами, с целью выявления мест нахождения незаконных мигрантов и пресечения противоправной деятельности граждан и организаций, преступных групп, действующих в сфере миграции. Среди таких мероприятий можно выделить такие операции как «Нелегал», «Трудовой мигрант», «Регион-Магистраль».

Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «О полиции», определяя обязанности полиции, в ч. 1.33 ст. 12 говорит следующее: в порядке, определяемом федеральным органом исполнительной власти в сфере внутренних дел и федеральным органом исполнительной власти, реализующим государственную политику в сфере миграции и осуществляющим правоприменительные функции, функции по контролю, надзору и оказанию государственных услуг в сфере миграции, участвовать в осуществлении контроля за соблюдением гражданами Российской Федерации и должностными лицами порядка регистрации и снятия граждан Российской Федерации с регистрационного учета по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации, а также за соблюдением иностранными гражданами и лицами без гражданства порядка временного или постоянного проживания, временного пребывания в Российской Федерации, въезда в Российскую Федерацию, выезда из Российской Федерации и транзитного проезда через территорию Российской Федерации<sup>1</sup>.

Помимо вышесказанного, важная роль в борьбе с незаконной миграцией принадлежит прокурорским проверкам исполнения миграционного законодательства, в ходе которых особое внимание уделяется соблюдению порядка привлечения иностранной рабочей силы в сельском хозяйстве. Они осуществляются с участием сотрудников органов внутренних дел, Роспотребнадзора, Ростехнадзора, Роструда.

В деятельности государственных органов в сфере предупреждения нелегальной миграции выделяются следующие направления совершенствования деятельности:

- организация комплексного изучения исполнения законов в сфере незаконной миграции и разработка предложений по улучшению законодательства;
- осуществление информационно-аналитической работы, улучшение методов оценки нелегальной миграции, выявление нарушений миграционного законодательства, мест скопления нелегальных мигрантов, привлечения нарушителей законов к ответственности;
- создание механизма деятельности в условиях экстренных ситуаций, которые связаны с массовой миграцией, как то в случае вооруженных конфликтов или чрезвычайных ситуаций;
- расширение взаимодействия между ведомствами для борьбы с незаконной миграцией [5, с. 83].

---

<sup>1</sup> Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» // «КонсультантПлюс». 2017. Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

Одним из важнейших направлений в борьбе с преступностью среди мигрантов является работа, которая направлена на понижение маргинализации мигрантов и отчужденности в отношениях с местным населением. Для этого иностранные граждане должны подтверждать знание русского языка, истории и законодательства Российской Федерации, предоставлять вид на жительство, разрешение на работу либо патент. Исключение предоставляется лишь высококвалифицированным специалистам.

С целью повышения уровня квалификации мигрантов, находящихся в Российской Федерации, была создана система упрощенного порядка приема в гражданство Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства, которые проживают на территории России. Данная опция действенна для лиц, которые являются предпринимателями, инвесторами, квалифицированными специалистами, выпускниками российских образовательных организаций профессионального образования или признанные носителями русского языка.

Вышеуказанные меры оказывают положительное влияние на межнациональный и межконфессиональный климат в обществе, на противодействие изоляции мигрантов.

В условиях специфики современной геополитической ситуации в мире и роли в ней Российской Федерации очень важно тщательное и своевременное исследование проблемы незаконной миграции. В случае непринятия адекватных мер по нейтрализации и ликвидации угроз, вытекающих из миграционной проблемы, возникает опасность развития факторов, дестабилизирующих национальную безопасность Российской Федерации в целом.

#### Литература

1. *Грачев О.В.* Понятие преступлений, посягающих на экономическую безопасность Российской Федерации в сфере таможенной интеграции // Адвокатская практика. 2012. № 6. С. 41-42.

2. *Дубонос С.М., Ковалев А.А.* Незаконная миграция как угроза национальной безопасности РФ и странам СНГ // Молодой ученый. 2016. № 13. С. 53-58.

3. *Козлов В.Ф., Лукьянов А.С.* Консолидация национального законодательства в сфере противодействия незаконной миграции // Российская юстиция. 2015. № 3. С. 22-25.

4. *Гордиенко Д.А.* Основы экономической безопасности государства: курс лекций. – Москва: Финансы и статистика; Инфра-М, 2009. С. 145-152.

# ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЖЕСТОВОГО ЯЗЫКА (ОБЗОР)

УДК 811.161.1'221.24

**Воронцова Ю.А.,**

*кандидат филологических наук, доцент;*

**Хорошко Е.Ю.,**

*кандидат филологических наук, доцент*

(Бел ЮИ МВД России имени И.Д. Путилина)

**Аннотация:** статья посвящена обзору нормативных правовых актов, направленных на организацию и регулирование обучения языку жестов сотрудников полиции, также рассматриваются вопросы изучения дактилологии и русского жестового языка.

**Ключевые слова:** сотрудник полиции, общение, русский жестовый язык.

**Vorontsova Ju.A.,**

*candidate of philological sciences, assistant professor;*

**Khoroshko E.Ju.,**

*candidate of philological sciences, assistant professor*

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

**Abstract:** the article is devoted to the review of normative legal acts aimed at the organization and regulation of sign language teaching of police officers, also the issues of dactylology and Russian sign language learning are considered.

**Key words:** police officer, communication, Russian sign language.

Сотрудник полиции взаимодействует с разными категориями граждан. «Общение – сложный многоплановый процесс установления и развития контактов между людьми, порождаемый потребностями совместной деятельности и включающий в себя обмен информацией, выработку единой стратегии взаимодействия, восприятия и понимания другого человека», – отмечает Б.З. Зельдович [1, с. 6]. Всякий акт речи представляет собой решение своеобразных коммуникативных задач, которые в зависимости от целей общения, конкретных обстоятельств и т.д. требуют различного ее построения, применения разнообразных средств, то есть способов кодирования, передачи, переработки, декодирования информации, передаваемой и получаемой в процессе общения.

Нарушение слуховой функции затрудняет или даже исключает возможность общения на основе слухового восприятия устной речи. Это вызывает необходимость использовать «специфические средства общения», то есть дактилологию и язык жестов. Жестовый язык для незлышащих, как и звуковой (словесный) для слышащих, является средством познания мира, материализа-

цией мысли, актуализацией человеческой сущности и социального сосуществования в микросоциуме глухих. В связи с этим особую важность представляет собой умение выстраивать сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации диалогическое общение с гражданами с нарушенным слухом при помощи дактильного и жестового языка.

Ратификация Конвенции о правах инвалидов<sup>1</sup>, целью которой является защита и обеспечение полного и равного осуществления инвалидами всех прав человека и основных свобод, поощрение уважения присущего им достоинства, а также обеспечение инвалидов равными с другими гражданами правами и свободами, создание эффективных правовых механизмов для их реализации, в Российской Федерации, в 2012 году обосновала необходимость создания более комфортных условий в обществе для людей с ограниченными возможностями здоровья. Согласно положениям Конвенции инвалиды имеют право наравне с другими гражданами на признание и поддержку их особой культурной и языковой самобытности.

Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации»<sup>2</sup> устанавливает государственную политику в области социальной защиты инвалидов, целью которой является обеспечение инвалидам равных с другими гражданами возможностей в реализации гражданских, экономических, политических и других прав и свобод, предусмотренных Конституцией Российской Федерации, а также в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами (Всеобщей декларацией прав человека; Конвенцией о правах инвалидов). Кроме этого в 2012 году президентом Российской Федерации был подписан приказ о внесении поправок в ст. 14 ФЗ от 24 ноября 1995 года № 181 «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», касающихся статуса русского жестового языка, согласно которым русский жестовый язык признается языком общения при наличии нарушений слуха и (или) речи, в том числе в сферах устного использования государственного языка Российской Федерации. Вводится система субтитрирования или сурдоперевода телевизионных программ, кино- и видеофильмов. Перевод русского жестового языка (сурдоперевод, тифлосурдоперевод) осуществляют переводчики русского жестового языка (сурдопереводчики, тифлосурдопереводчики), имеющие соответствующее образование и квалификацию. Порядок предоставления услуг по переводу русского жестового языка (сурдопереводу, тифлосурдопереводу) определяется Правительством Российской Федерации. Таким образом законодательно был утвержден статус языка жестов: русский жестовый язык определен как язык общения при наличии нарушений слуха и (или) речи. Жестовый язык получил официальный статус и был признан уже не просто средством межличностного общения глухих и слепоглухих людей, а языком об-

---

<sup>1</sup> Конвенция о правах инвалидов (заключена в г. Нью-Йорке 13.12.2006) // СЗ РФ. 2013. № 6. Ст. 468.

<sup>2</sup> Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ (ред. от 29.12.2017) «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1995. № 48. Ст. 4563.

щения при наличии нарушений слуха и (или) речи, в том числе в сферах устного использования государственного языка Российской Федерации. Следует отметить, что в настоящее время использование существовавшего длительное время термина «глухонемой» по отношению к людям с недостатками слуховой функции считается неправомерным. Человек, являясь глухим, в разной степени овладевает речью. К тому же люди, имеющие нарушение функции слуха, не считают себя немыми, так как у них есть свой язык – язык жестов, такой же полноценный и богатый, как словесный язык.

Придание языку жестов государственного статуса – это положительный социолингвистический фактор. Государство создает для глухих доступную среду жизнедеятельности, создает комфортные условия для коммуникации инвалидов по слуху, а также их успешной интеграции в общество и обеспечивает все необходимое, чтобы они с их особой культурной и языковой самобытностью, включая жестовые языки и культуру, чувствовали себя полноценной частью общества.

Для реализации положений Конвенции Министерство внутренних дел Российской Федерации приступило к разработке нормативных правовых актов, направленных на организацию и регулирование обучения языку жестов сотрудников полиции, которое осуществляется для конкретной и своевременной помощи гражданам с нарушениями слуха.

Приказами МВД России от 12 мая 2015 года № 544 «Об утверждении порядка определения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации, исполнение обязанностей по которым требует владения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации навыками русского жестового языка», от 22 июня 2017 года № 405 «О внесении изменений в Порядок определения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации, исполнение обязанностей по которым требует владения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации навыками русского жестового языка, утвержденный приказом МВД России от 12 мая 2015 года № 544», а также приказами МВД России и Министерства образования и науки Российской Федерации от 15 июня 2015 года № 681/587 «Об объеме владения навыками русского жестового языка сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации, замещающими отдельные должности в органах внутренних дел Российской Федерации» определены перечень должностей в подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации, исполнение обязанностей по которым требует от сотрудника навыков владения русским жестовым языком, а также требования к объему владения сотрудниками органов внутренних дел навыками русского жестового языка.

Из этого следует, что навыкам русского жестового языка обучаются сотрудники подразделений дежурных частей, участковых уполномоченных полиции, патрульно-постовой службы, по обеспечению безопасности дорожного движения, уголовного розыска, по вопросам миграции. В результате обучения сотрудники правоохранительных органов должны иметь установленный объем навыков владения русским жестовым языком: знать общие основы теории пере-

вода, знать русский жестовый язык как лингвистическую систему, осуществлять прямой перевод устной речи (синхронный, последовательный) для лиц с нарушением слуха, осуществлять обратный перевод (синхронный, последовательный) для слышащих граждан, обеспечивать соответствие перевода устной речи на русский жестовый язык по смысловому содержанию, соблюдать установленные термины и определения в области права при осуществлении перевода.

Целью изучения полицейскими жестового языка является последовательное совершенствование профессиональных знаний, умений и навыков посредством формирования у обучающихся комплекса теоретических знаний о дактилологии, жестовом языке, об особенностях общения с инвалидами с нарушениями функции слуха и инвалидами с нарушениями функций одновременно слуха и зрения, а также формирования умений и навыков выстраивать с ними диалогическое общение при помощи дактильного и жестового языка. Дисциплина «Обучение навыкам русского жестового языка сотрудников подразделений дежурных частей, участковых уполномоченных полиции, патрульно-постовой службы, по обеспечению безопасности дорожного движения, уголовного розыска, по вопросам миграции» включает комплекс разделов, направленных на изучение дактилологии, жестовой речи, использование дактильной и жестовой речи в процессе общения, и способствует формированию и развитию невербальных средств коммуникации у обучающихся. В процессе обучения акцентируется, что русский жестовый язык отличается от русского звукового языка и представляет собой лингвистическую систему со своей особой лексикой, морфологией, синтаксисом, поэтому в нем могут быть лексические несоответствия, безэквивалентная лексика и т.п. Кроме того, в теме «Вербальные и невербальные средства коммуникации современного русского языка. «Специфические средства общения глухих». Законодательство в сфере инвалидности по слуху и зрению» рассматриваются нравственно-этические основы и психология общения с инвалидами с нарушениями функции слуха и инвалидами с нарушениями функций одновременно слуха и зрения, а также вопросы законодательства в сфере инвалидности по слуху и зрению. Общеизвестно, что язык является не только средством общения, передачи и накопления информации, обычаев и традиций. Язык – это менталитет общности носителей языка, поэтому для сотрудников полиции, кроме владения жестовым языком, необходимы знание и понимание особенностей мышления или мировосприятия людей с нарушениями слуха.

Знание жестового языка становится необходимым качеством полицейского для решения оперативных задач: умение изъясняться в обычной и экстренной ситуации с гражданами, имеющими нарушение слуха. Обучение сотрудников полиции жестовому языку осуществляется для конкретной, результативной и своевременной помощи глухим, слабослышащим и слепоглухим. Современному обществу важно, чтобы сотрудник полиции был высококвалифицированным специалистом, мобильным, умеющим ориентироваться в раз-

личных жизненных ситуациях, активно содействовать благополучному развитию всего общества.

#### Литература

1. Зельдович Б.З. Деловое общение: учебное пособие. – Москва: Альфа-Пресс, 2007. – 456 с.

## **ФОРМИРОВАНИЕ КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМА**

УДК 1(091) + 316.37

**Долин В.А.,**

*кандидат философских наук*

(Бел ЮИ МВД России имени И.Д. Путилина)

**Аннотация:** статья посвящена применению философско-антропологических представлений экзистенциализма для концептуального осмысления проблемы формирования кадрового потенциала органов внутренних дел. Историческое развитие экзистенциализма обобщено в четырех философско-антропологических постулатах. Используя данные постулаты в качестве посылок, автор дедуктивно выводит три методологических требования по обретению индивидуально-неповторимого существования сотрудника в профессиональном служении.

**Ключевые слова:** кадровый потенциал, органы внутренних дел, экзистенция, самотрансценденция, экзистенциал, профессиональное служение.

## **FORMATION OF STAFF POTENTIAL OF INTERNAL AFFAIRS BODIES IN THE CONTEXT OF PHILOSOPHICAL AND ANTHROPOLOGICAL IDEAS OF EXISTENTIALISM**

**Dolin V.A.,**

*candidate of philosophy sciences*

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

**Abstract:** the article is devoted to application of philosophical and anthropological concepts of existentialism for conceptual understanding of the problem of personnel potential formation of internal affairs bodies. The historical development of existentialism is summarized in four philosophical and anthropological postulates. Taking them into consideration, the author derives using the method of deduction three methodological requirements for attainment of individual and unique existence of police officers in professional service.

**Key words:** personnel potential, internal affairs bodies, existence of human being, self-transcendence, existential, professional service.

Запрос современного общества на изменение модели взаимодействия полиции и общества и связанное с ним стремление к формированию сотрудника полиции нового типа определяют актуальность проблемы формирования кадрового потенциала органов внутренних дел [9, с. 13].

Концептуальное осмысление формирования любого объекта рассмотрения предполагает использование различных подходов. Выбор философско-антропологических представлений экзистенциализма как концептуальной основы исследования проблемы формирования кадрового потенциала органов внутренних дел объясняется двумя причинами. Первая состоит в том, что к настоящему времени антропология экзистенциализма существует в философских, научных и религиозных вариантах. Это позволяет рассматривать комплекс философско-антропологических представлений экзистенциализма как целостный дискурс о человеке, достигший практикоориентированной стадии развития. Вторая причина – дифференцированность названных представлений при единстве их концептуальной основы. Последнее обстоятельство открывает возможность продуктивного применения философско-антропологических представлений экзистенциализма в различных областях знания, которая к настоящему времени реализована в таких дисциплинах, как психология, психотерапия, педагогика, социология.

Прежде чем перейти к выделению объекта и предмета статьи, следует определить дисциплинарный статус исследуемой проблемы. Формирование кадрового потенциала органов внутренних дел исследуется концептуальными средствами экономики, социологии, психологии, педагогики и теории управления, т.е. названная проблема носит междисциплинарный характер. Наличие совпадений с вышеприведенным перечнем областей продуктивного применения философско-антропологических представлений экзистенциализма правомерно рассматривать как косвенный аргумент, подтверждающий обоснованность выбора названных представлений в качестве методологического средства изучения избранной проблемы.

Объектом рассмотрения в данной статье является формирование кадрового потенциала органов внутренних дел как процесс. Предмет статьи – применение философско-антропологических представлений экзистенциализма для концептуального осмысления проблемы формирования кадрового потенциала органов внутренних дел. В целом проводимое исследование относится к проблемному полю философской антропологии в ее широком понимании, т.е. как философии человека (К. Вальверде, П.С. Гуревич). Исследование предмета статьи предполагает решение двух задач: 1) изложение основ философско-антропологических представлений экзистенциализма; 2) использование названных представлений для концептуального осмысления проблемы формирования кадрового потенциала органов внутренних дел.

Начнем с изложения основ философско-антропологических представлений экзистенциализма (первая задача). Экзистенциализм является традиционным объектом исследования в философской литературе [см., например: 3; 8, с. 148-267; 15; 17, с. 168-180, 209-268], а изложение его основ – с вариациями по объему и по интерпретации – включается во все значительные учебные издания по философии [см., например: 6, с. 350-369; 14, с. 281-406]. Данное обстоятельство делает непродуктивным простое повторение известных тезисов и оценок. В рамках небольшой статьи целесообразно сформулировать постулаты, отражающие развитие философско-антропологических представлений экзистенциализма.

Исходный постулат названных представлений обусловлен историко-культурными причинами, а именно поиском нового варианта философского понимания человека. *Первый постулат* – антиэссенциалистский номинализм в понимании человека. Номиналистическое понимание человека как «существующего мыслителя» впервые появляется в экзистенциальной диалектике личного бытия С. Кьеркегора как предшественника экзистенциализма и соответствует «антропологическому повороту» в понимании традиционных философских проблем в неклассической традиции (Л. Фейербах, Ф. Ницше, русский религиозный ренессанс).

*Второй постулат* – индивидуальное существование как центральная проблема философско-антропологических представлений экзистенциализма. Индивидуальное существование мыслится как неповторимое, находящееся в постоянном становлении и сопряженное с конкретной ситуацией. В соответствии с установками неклассической философии, представители экзистенциализма избегают характерного для классической философской традиции противопоставления субъекта и объекта. Среди вариантов концептуального осмысления индивидуального человеческого существования, объединяющих человека и окружающий его мир в единый комплекс, следует назвать: «бытие-в-мире» (М. Хайдеггер, К. Ясперс), «бытие-в-ситуации» (Ж.-П. Сартр), «человек-в-мире» или «бытие-человека-в-мире» (А. Камю), «нахождение-в-ситуации» (Г. Марсель). Наиболее последовательный и концептуально обоснованный подход к пониманию индивидуально-неповторимого человеческого существования предлагает М. Хайдеггер в работе «Время и бытие» (1927). Однако второй постулат при его формально-абстрактном рассмотрении ведет к метафизическому пониманию, оторванному от конкретизации существования в различных ситуациях. Названная тенденция преодолевается в следующем постулате.

*Третий постулат* – в индивидуальном существовании возможно выделить элементы – феномены индивидуального бытия, или экзистенциалы. Последние представляют собой «...модусы существования индивидов и способы выявления характерных качеств «Я», фундаментальные ценности, в которых воплощаются смыслы, цели и устремления людей» [5, с. 10]. Экзистенциалы реализуются при самотрансценденции человека во внешний мир. Как констатирует В. Франкл, «...сущность человеческого существования заключена в его самотрансценденции» [18, с. 51]. В рамках авторских вариантов «метафизики

человеческого существования» последнее рассматривается как носящее эмоционально-рациональный характер (страх, забота, любовь, свобода, ответственность, абсурд, бунт и иные экзистенциалы). Любой экзистенциал интенционален и при самотрансценденции переходит в волю. В результате свободного и индивидуально-неповторимого выбора индивидуальное существование обретает целостность. Отсюда следует необходимость следующего постулата.

*Четвертый постулат* – необходимость формирования рекомендаций по реализации лично продуктивного, неотчужденного существования конкретного человека. В данном постулате акцентируется характерная для представителей экзистенциализма констатация несовпадения человеческой экзистенции как понятия и как факта, данного в непосредственном опыте индивида. Данный постулат соответствует постклассической стадии развития философско-антропологических представлений экзистенциализма, которую Л.В. Баева предлагает называть «постэкзистенциализмом», или «неоэкзистенциальной концепцией» [1, с. 6]. Для данной стадии характерны две особенности. С одной стороны, расширяется область применения философско-антропологических представлений экзистенциализма через их проникновение на методологическом уровне в конкретные науки (педагогика, психология, психотерапия, социология). С другой стороны, названные представления углубляются путем освоения новых для экзистенциализма методологических идей в «позитивном экзистенциализме» (Н. Аббаньяно, О.Ф. Больнов). В результате преодолевается пессимистический характер экзистенциалистской антропологии классического периода (М. Хайдеггер, К. Ясперс, Ж.-П. Сартр, А. Камю, Г. Марсель) и формируется авторитетный антропологический дискурс современности, влияющий и на другие варианты дискурса о человеке.

Таким образом, исторический подход позволяет вскрыть внутреннюю логику развития философско-антропологических представлений экзистенциализма: от «антиэссенциалистского поворота» С. Кьеркегора через раскрытие «метафизики человеческого существования» в классическом экзистенциализме к идее обретения индивидуально-неповторимого человеческого существования в практиках современности. На постклассической стадии развития методологические представления экзистенциализма выходят за рамки философии. В этой связи по-новому воспринимается вывод О.Ф. Больнова о перспективах экзистенциализма. По его мнению, «...одно лишь нащупывание очевидных границ экзистенциальной философии остается как таковое бесплодным... Стало быть, это ни в коем случае не должно смешиваться с конкретной создающей работой по преодолению» [3, с. 179] (экзистенциальной философии – прим. мое – В.Д.).

Идея обретения индивидуально-неповторимого человеческого существования определяет возможность использования философско-антропологических представлений экзистенциализма для концептуального осмысления проблемы формирования кадрового потенциала органов внутренних дел (вторая задача). При решении данной задачи важно не потерять из виду ее антропологический контекст, в соответствии с которым человеческое существование

есть более широкая онтологическая реальность, чем рассматриваемый в антропологическом контексте комплекс профессиональных практик органов внутренних дел. Последние закономерно входят в человеческое существование как составная часть. Важно понимать, что в вышеприведенном тезисе соотношение двух элементов осмысливается преимущественно в методологическом, а не в прагматическом значении. И действительно, ограничение исследовательской задачи рамками профессиональной сферы потенциально противоречит методологическому постулату о целостности человека.

Подводя итог предварительным соображениям, необходимо следующим образом переформулировать исследовательскую задачу: обретение индивидуально-неповторимого существования сотрудника в современных профессиональных практиках органов внутренних дел. Это позволяет не только в полной мере учитывать философско-антропологические представления экзистенциализма, но и дедуктивным путем вывести методологические требования по формированию кадрового потенциала органов внутренних дел. Кроме того, подобная постановка исследовательской задачи вписывается в контекст «работы по преодолению» экзистенциальной философии (О.Ф. Больнов) или формирования «неоэкзистенциальной концепции» (Л.В. Баева).

В контексте приведенных точек зрения на «творческое преодоление» представлений классического экзистенциализма выглядит логичным предположение о продуктивности такой исследовательской стратегии, как конкретизация экзистенции в форме экзистенциалов. Последние понимаются как двуединство данных в непосредственном опыте личности «мысле-чувств» и модусов конкретного философствования [5, с. 19]. Первые шаги по конкретизации представлений об экзистенции сделаны еще в философии классического экзистенциализма (например, такие экзистенциалы, как свобода, ответственность, смысл жизни, страх). Однако в ситуации прогрессирующего разнообразия форм существования человека в обществе потребления и связанных с ними идентичностей ограничение видения индивидуально-неповторимой экзистенции представлениями классического экзистенциализма обретает признаки метафизического понимания.

Данная проблема уже осознана в современной философии. Отдельные современные авторы идут дальше, дополняя классический перечень экзистенциалов [11, с. 82-92]. В этой связи обоснован вопрос Н.В. Тимохина о том, «...должна ли экзистенция быть структурированной подобно бытию в умо-зрительных системах классической философии?» [16, с. 312]. Размышляя о перспективах понимания сущности существования, О.Ф. Больнов приводит две альтернативы, актуальные в контексте размышлений о стратегии конкретизации представлений об экзистенции в форме экзистенциалов: «можно либо отказаться от любой формулировки сущности существования и ограничиться развитым ранее методом приведения к переживанию существования, либо попытаться развить *новые понятийные средства* (курсив мой. – В.Д.), которые все же позволят иным способом привести эту доселе непостижимую сущность существования к ясной и просматриваемой понятийной форме» [3, с. 45].

Реализация стратегии конкретизации экзистенции в форме экзистенциалов выходит за рамки исследуемого предмета. Однако продвижение в данном направлении возможно и в данной статье. В этой связи выглядит обоснованным выделение экзистенциала служения. Конечно, полноценное обоснование его необходимости и раскрытие его аспектов требует отдельного исследования. В данной статье речь пойдет об одном аспекте – профессиональном служении сотрудника органов внутренних дел. Более узкое понимание содержания экзистенциала служения соответствует сформулированному ранее четвертому постулату экзистенциализма: необходимость формирования рекомендаций по реализации личностно продуктивного, неотчужденного существования конкретного человека.

Существование реализуется – помимо профессиональной деятельности – и в иных сферах повседневности: бытоустройство и жизнеобеспечение; досуг; семейные и иные интимно-личностные отношения. Из данного тезиса следует, что профессиональное служение сотрудника органов внутренних дел даже в предельном варианте его личностной значимости не есть вся жизнь отдельного человека. Хотя это не означает, что профессиональное служение и прочие сферы индивидуального существования связаны антагонистическими отношениями по формуле «или – или».

Очевидно, что названная связь может порождать положительные или негативные синергические эффекты. Первый вариант названных эффектов благоприятствует формированию кадрового потенциала органов внутренних дел, а второй – нет, поскольку профессиональные результаты во втором варианте достигаются либо за счет обеднения индивидуально-неповторимого существования в других сферах (например, при нездоровых формах честолюбия), либо являются их следствием (например, «уход в работу» при фрустрации в других сферах существования). В обоих случаях результат оказывается неустойчивым во времени, поскольку подобные сотрудники органов внутренних дел подвержены таким негативным явлениям, как эмоциональное выгорание [см., например: 7], профессиональная нравственная деформация [см., например: 2] или трудоголизм [см., например: 19]. Относительно последнего негативного явления необходимо сделать уточнение. Преобладание положительных оценок трудоголизма в обществе в целом и в конкретных трудовых коллективах не отменяет факта, что в долговременной перспективе его негативные последствия оказываются более значимыми в обоих случаях [10].

Вернемся к задаче обретения индивидуально-неповторимого существования сотрудника в современных профессиональных практиках органов внутренних дел. Из философско-антропологических представлений экзистенциализма возможно дедуктивно вывести *первое методологическое требование*: полнота индивидуально-неповторимого человеческого существования есть основа формирования кадрового потенциала органов внутренних дел.

Человеческое существование реализуется в форме самотрансценденции. По мнению М. Бубера, мир представлен в опыте отдельного человека тремя сферами отношений: жизнь с природой, жизнь с людьми, жизнь с духовными

сущностями [4, с. 18]. Полноценное существование человека в форме живого отношения к отдельным объектам названных сфер возможно лишь в модусе существования «Я-Ты». Но возврат к модусу существования «Я-Оно» неизбежен, поскольку только в его рамках возможно приобретение нового опыта и использование объектов окружающего мира. Однако чрезмерное увлечение безопасностью и комфортом мира Оно имеет и оборотную сторону: «...человек не может жить без Оно. Но тот, кто живет лишь с Оно, тот не человек» [4, с. 36]. Данные представления позволяют дедуктивно вывести *второе методологическое требование* – полнота индивидуально-неповторимого существования человека возникает, поддерживается и развивается в самотрансценденции. В данном контексте отсутствие самоактуализации личности [12] – закономерное следствие ограничений самотрансценденции объективными и субъективными причинами.

Если рассматривать самотрансценденцию как двуединство понимаемой разумом категории и непосредственно переживаемого экзистенциала, то выглядит закономерным вопрос о ее масштабах. Даже с позиций здравого смысла очевидно, что чем более разнообразен жизненный опыт и сферы самореализации конкретного сотрудника органов внутренних дел, тем надежнее данный сотрудник в профессиональном плане. Конечно, если подобный «рост вширь» не превращается в самоцель и не обретает признаки «скольжения по поверхности». Увеличение количества сотрудников органов внутренних дел со здоровым разнообразием сфер самореализации с необходимостью положительно влияет на кадровый потенциал органов внутренних дел. Соответственно, очевидно *третье методологическое требование* – разумный и целесообразный рост разнообразия проявлений и масштабов самотрансценденции есть важнейший показатель положительной динамики формирования кадрового потенциала органов внутренних дел.

Обобщая дедуктивно выведенные методологические требования, возможно сформулировать следующий вывод: полнота индивидуально-неповторимого существования поддерживается в самотрансценденции, разумный рост масштабов которой положительно влияет на динамику формирования кадрового потенциала органов внутренних дел. Обретение индивидуально-неповторимого существования сотрудника в современных профессиональных практиках органов внутренних дел позволяет, с одной стороны, достичь гармоничного сопряжения активности сотрудника с процессами в обществе и в органах внутренних дел, и, с другой стороны, вносит вклад в развитие «человекоразмерности» общественной жизни и деятельности органов внутренних дел.

#### Литература

1. *Баева Л.В.* Ценностные основания индивидуального бытия: Опыт экзистенциальной аксиологии: монография. – Москва: Прометей, МПГУ, 2003. – 240 с.
2. *Безносков С.П.* Профессиональные деформации личности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. Т. 55. № 33. С. 167-171.

3. *Большов О.Ф.* Философия экзистенциализма. – Санкт-Петербург: Лань, 1999. – 224 с.
4. *Бубер М.* Я и Ты // Два образа веры / под ред. П.С. Гуревича, С.Я. Левит, С.В. Лёзова. – Москва: Республика, 1995. С. 16-92.
5. *Бурханов А.Р.* Экзистенциалы человеческого бытия как модусы западной постнеклассической философии: от фундаментальной онтологии к экзистенциальной антропологии: дис. ... канд. филос. наук. – Екатеринбург, 2014. – 140 с.
6. История философии: учебник для вузов / под ред. А.С. Колесникова. – Санкт-Петербург: Питер, 2010. – 656 с.
7. *Кононова М.А., Ичитовкина Е.Г., Злоказова М.В.* [и др.]. Эмоциональное выгорание сотрудников, замещающих должности старшего начальствующего состава органов внутренних дел // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2017. № 1 (68). С. 33-36.
8. *Коплстон Ф.* История философии. XX век. – Москва: Центрполиграф, 2002. – 269 с.
9. *Линкевич А.Е.* Социальные проблемы процесса формирования и развития кадрового потенциала органов внутренних дел: дис. ... канд. социол. наук. – Уфа: Уфимский юридический институт МВД России, 2001. – 188 с.
10. *Ловаков А.В.* Трудоголизм: понятие, методики измерения, предикторы и последствия // Организационная психология. 2012. № 4. Т. 2. С. 28-42.
11. *Моторина Л.Е.* Философская антропология: учебное пособие. – Москва: ИНФРА-М, 2017. – 236 с.
12. *Пенионжек Е.В., Такиulina Э.Р., Воротникова М.В.* Проблемы отсутствия самоактуализации личности: инициативы формирования стрессоустойчивого поведения // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 11 (85). С. 131-133.
13. *Платонов П.П.* Организационно-экономические основы формирования кадрового потенциала органов внутренних дел РФ: дис. ... канд. экон. наук. – Москва: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2012. – 146 с.
14. Современная буржуазная философия: учебное пособие / под ред. А.С. Богомолова, Ю.К. Мельвиля, И.С. Нарского. – Москва: Высшая школа, 1978. – 582 с.
15. Современный экзистенциализм / под ред. Л.Н. Митрохина, А.Г. Мысливченко, Т.И. Ойзермана. – Москва: Мысль, 1966. – 567 с.
16. *Тимохин Н.В.* Философские категории и экзистенциалы: сравнительный анализ // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 4. С. 309-315.
17. *Уэст Д.* Континентальная философия. Введение. – Москва: Дело, 2015. – 448 с.
18. *Франкл В.* Человек в поисках смысла: сборник / под общ. ред. Л.Я. Гозмана и Д.А. Леонтьева. – Москва: Прогресс, 1990. – 368 с.

19. Юрьева Л.Н. Трудоголизм: факторы риска развития и признаки патологической зависимости // Вестник психиатрии и психологии Чувашии. 2015. Т. 11. № 3. С. 17-26.

## ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ СЫСКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

УДК 93/94

**Зайцева И.В.,**

*кандидат исторических наук;*

**Натарова Е.С.,**

*слушатель 153 взвода факультета подготовки дознавателей*

(Бел ЮИ МВД России имени И.Д. Путилина)

**Аннотация:** статья посвящена вопросам создания и развития Санкт-Петербургской сыскной полиции. Особое внимание уделяется взаимосвязи между организацией сыскного отделения и общественным развитием Российской империи во второй половине XIX века, а также проблемам численности Санкт-Петербургского сыска в первые годы его существования.

**Ключевые слова:** полиция Российской империи, Санкт-Петербургская сыскная полиция, правоохранительные органы, В.Е. Фиш.

## INSTITUTIONALIZATION OF THE DETECTIVE OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY

**Zaitseva I.V.,**

*candidate of historical sciences;*

**Natarova E.S.,**

*listener of 153 platoon of the Faculty for the training of investigators*

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

**Abstract:** the article is devoted to the creation and development of the St. Petersburg Detective Police. Special attention is paid to the relationship between the detachment organization and social development of the Russian empire in the second half of the XIX-th century and to the problems of the number of employees of the St. Petersburg investigation in the first years of its existence.

**Key words:** police of the Russian Empire, St. Petersburg Detective Police, law enforcement agencies, V.E. Fish.

С середины XIX века в Российской империи начинается эпоха перемен, которые затронули практически все стороны общественной жизни государства. Специфика развития общества в эпоху серьезных изменений в государственной и общественной структуре приводит одновременно как к положительным, так и отрицательным последствиям. Подобная дуальность была характерна и для российского общества в середине XIX века.

Знаковым событием в череде реформ рассматриваемого периода стала отмена крепостного права, которая с одной стороны привела к наращиванию темпов промышленного роста и увеличению населения городов, а с другой вызвала ряд негативных процессов, связанных с возрастанием криминальной напряженности в стране. Второе обстоятельство было связано с ослаблением государственного и корпоративного контроля над личностью, а также ростом социальной мобильности, к которому правоохранительные органы оказались не готовы. Решение этой проблемы обусловило проведение реформы полиции в начале 60-х гг. XIX, суть которой заключалась в реорганизации полицейских органов.

25 декабря 1862 г. были изданы «Временные правила об устройстве полиции в городах и уездах губерний, по общему учреждению управляемых». Согласно данному документу земские и городские полицейские учреждения объединялись в земскую и городскую полицию и стали называться уездным полицейским управлением, все городнические правления присоединялись к земским судам, а обязанности полицмейстеров и городничих возлагались на уездных исправников [1]. Система управления полицейскими органами находилась в прямом подчинении высшим органам государственной власти (глава назначался правительством и подчинялся начальнику губернии и губернскому правлению). Губернская администрация обладала правом отдавать полицейским органам распоряжения по вопросам, входящим в их компетенцию.

Социальные противоречия между городом и деревней, проявившиеся в углублении буржуазных отношений, с одной стороны, и в обнищании основной массы населения – с другой, привели к нарастанию криминогенной обстановки в стране. Ряд историков отмечает значительный рост уголовных преступлений во второй половине XIX – начале XX вв. [4, с. 394].

Увеличение численности городского населения приводило к возрастанию маргинальных слоев в обществе, разнородных по своему социальному составу и кругу занятий. Именно в этой социальной среде происходило наибольшее криминогенное брожение<sup>1</sup>. Необходимо отметить, что подобный рост можно рассматривать как с позиции анализа социальных групп, так и основываясь на территориальном признаке<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> К началу XX века по отношению к середине XIX количество уголовных преступлений возросло в 3,4 раза.

<sup>2</sup> Последние исследования показывают, что в 1897 г. уровень криминогенности рабочих был в 19 раз выше, чем крестьян-хлебопашцев, живших в общине. Криминогенность столиц (отношение доли зафиксированных преступлений к доле проживающего там населения) в 1874 г. составляла 3,9%, прочих городов - 2,9%, деревни - 0,7%.

Одной из социальных проблем, обусловивших создание сыскной полиции в Российской империи, стало развитие общественно-политических движений, которые представляли значительную угрозу абсолютистскому строю и на борьбу с которыми во второй половине XIX века были направлены силы политической полиции. Смещение вектора внимания на предупреждение политических преступлений в государстве способствовало снижению интереса к борьбе с уголовными элементами.

Общая криминализация жизни петербургского общества заставила руководство страны обратиться к разработке проекта создания сыскного отделения полиции. Первые шаги в этом отношении были предприняты в 1842 году, когда вышло распоряжение об учреждении временного комитета, основной задачей которого стало рассмотрение предложений о мерах к предупреждению преступлений в Санкт-Петербурге. Результатом деятельности комитета стал проект создания Санкт-Петербургской сыскной команды, которая должна была осуществлять функции по предупреждению и пресечению общеуголовных преступлений. Проект был представлен министру внутренних дел 25 февраля 1843 года [11, с. 30].

В документе говорилось о создании сыскной команды, в состав которой должны были входить пристав, надзиратели и сыщики по особому штату. Руководство полицией возлагалось на генерал-губернатора при непосредственном подчинении Санкт-Петербургского обер-полицмейстера. Надзорные функции сыскной команды распространялись на места массового скопления людей (театры, церкви, питейные заведения) и должны были осуществляться секретно. Члены сыскной команды не имели прав наружной полиции, исходя из чего им запрещалось брать людей под стражу, за исключением лиц, пойманных на воровстве, уличенных в скупке краденого, их укрывателей, составителей подложных бумаг [10, гл. 4]. Исполнительная полиция обязана была оказывать содействие сыскной команде либо по письменным заявлениям, либо по устному требованию рядовых сыщиков к квартальным надзирателям или их помощникам. К городскому унтер-офицеру и будочнику сыщик мог обратиться только в случае крайних обстоятельств [10, гл. 4].

Проект не был реализован по большей части из-за перемен в руководстве петербургской полиции. Но, очевидно, в первую очередь причины надо искать не столько в субъективном факторе, сколько в том, что по сравнению с рядом европейских государств (Англия, Франция), в дореформенный период, уровень преступности в Российской империи все же был значительно ниже. В 50-е гг. XIX в. статистика регистрировала 526 преступлений на 100 тысяч человек, что было примерно в четыре раза ниже, чем во Франции, в 7,6 раза ниже, чем в Англии [10, гл. 4].

Пореформенная Россия представляла собой систему, в которой традиционное общество постепенно сменялось обществом индустриального типа. Отсутствие эффективных мер по борьбе с преступностью, вновь вызвало необходимость в создании полноценного сыскного органа, способного на самом высоком уровне бороться с уголовными преступлениями. В 1863 г. В.Е. Фиш

представил проект организации сыскного отделения, который получил правительственную поддержку и был положен в основу создания новой правоохранительной структуры [8, с. 42].

Во «Всеподданнейшем отчете генерал-адъютанта Ф.Ф. Трепова по управлению Санкт-Петербургским градоначальством и столичною полицией с 1866 по 1867 гг.» отмечалось: «Существенный пробел в учреждении столичной полиции составляло отсутствие особой части с специальной целью производства исследований для раскрытия преступлений и изыскания общих мер к предупреждению и пресечению преступлений» [2, с. 25-26; 10, гл. 4].

Интерес к появлению новой правоохранительной структуры у верхушки государственной власти послужил утверждению 26 октября 1866 г. «Положения Комитета министров о создании Санкт-Петербургской сыскной полиции» [10, гл. 4]. 31 декабря 1866 года считается датой ее основания. Сыск действовал на общих, установленных для всего ведомства, основаниях, однако более подробный порядок осуществления действий сотрудников определялся инструкцией градоначальника.

В «Учреждении Санкт-Петербургской городской полиции» определялись задачи Санкт-Петербургской сыскной полиции, к которым относилось производство розыска и дознания по уголовным делам, а также предупреждение и пресечение преступлений [9, с. 257]. При этом стоит заметить, что специального закона, регламентирующего функции сыскной полиции в Российском государстве, не существовало. В этой связи сотрудники сыска в своей деятельности руководствовались Указом об учреждении губерний, Уставом уголовного судопроизводства, Уставом о предупреждении и пресечении преступлений и Общим уставом счетным [10, гл. 4].

Устав уголовного судопроизводства определял, что сыскная полиция осуществляла розыск обвиняемых в том случае, если не было определено место их пребывания, а также в случае их побега. Розыск проводился по решению суда, а также по представлению судебного следователя или прокурора. Правила Общего устава счетного регламентировали порядок розыска имущества, на которое было наложено взыскание. Розыскная деятельность была не единственной сферой, на которую распространялись полномочия сыскной полиции. Также к ее обязанностям относился учет и наведение справок о лицах, которых задерживала участковая полиция, если у этих лиц не было паспорта или если они обвинялись в каких-либо преступлениях. Тех, кто был замечен в предосудительном поведении, сотрудники сыскной полиции обязаны были выдворить из столицы.

Вопросы институализации сыскной полиции современный научный мир рассматривает крайне поверхностно, что объясняется отсутствием дел в основных архивах Российской Федерации по вопросам организации Санкт-Петербургской сыскной полиции на первых этапах ее развития. Наиболее ясные детали быто-хозяйственной части в основном представлены делами, датированными 80-ми годами XIX века. Проводя анализ численности Санкт-Петербургского сыскного отделения в первые годы его существования, можно при-

вести в пример статистику отдельных авторов, мнения которых во многом расходятся. А.О. Лядов опирается на отчет о деятельности Санкт-Петербургской городской полиции за 1867 г., согласно которому сыскная полиция первоначально состояла из начальника, его помощника, четырех чиновников по особым поручениям, двадцати полицейских надзирателей (сыщиков) и двадцати вольнонаемных сыщиков [6, с. 14]. По мнению В.И. Елинского, первоначальный состав включал кроме начальника и помощника четырех чиновников для поручений, восемнадцать полицейских надзирателей, девять писцов и четырех служителей [10, гл. 4]. Также в состав сыскной полиции входили постоянные вольнонаемные агенты в количестве 25 человек [3, с. 29]. Р.С. Мулукаев определяет первоначальный штат сыскного отделения в 22 оперативных работника, которые приходились на город с 517-тысячным населением [8, с. 110; 10, гл. 4].

Анализ работ Т.Л. Матвиенко позволяет сделать вывод, что по состоянию на 27 июня 1867 года в составе сыскной полиции состоял 21 сотрудник: начальник, 4 чиновника для поручений, 12 полицейских надзирателей, 1 делопроизводитель, 2 его помощника, 1 журналист (он же архивариус), который вел журнал. В правительственном распоряжении указывалось, что «штат сей ввести в действие в виде опыта на 3 года» [7, с. 47]. Вероятнее всего разница в цифрах имеет место, поскольку каждый исследователь отражал отдельные этапы развития Санкт-Петербургской сыскной полиции.

Первым начальником Санкт-Петербургской сыскной полиции стал И.Д. Путилин, человек выдающихся способностей, положивший начало развитию деонтологических основ правоохранительной деятельности. Отличительной особенностью И.Д. Путилина были его методы работы. Используя систему легендирования, он внедрялся в преступные банды, посещал места наибольшего скопления представителей преступного мира. Природное знание психологических особенностей личности, способность сохранять спокойствие в самых сложных ситуациях, развитые коммуникативные способности, настойчивость и смелость при выполнении служебного долга – все это отличало начальника Санкт-Петербургского сыска от его предшественников.

Невский С.А. отмечает, что в 1896 году в основу деятельности сыскной полиции был положен территориальный принцип, согласно которому чиновники по особым поручениям распределялись по отделениям, а полицейские надзиратели по участкам, что позволило сотрудникам сыска наиболее эффективно осуществлять надзорные функции [9, с. 258]. Кроме того, среди основных функциональных изменений в структурной организации Санкт-Петербургской сыскной полиции стоит отметить учреждение в 1897 году стола находок, в 1902 году создание «летучего отряда»<sup>1</sup>, а также стола о дворниках и швейцарах<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> Предназначался для осуществления надзорных функций в местах массового скопления людей.

<sup>2</sup> Основная цель – сбор сведений о благонадежности того или иного лица, а также сведений о наличии судимостей у служащих питейных заведений и извозчиков.

Необходимо обратить внимание, что долгое время среди историков была распространена версия о несостоятельности деятельности Санкт-Петербургского сыска, сотрудники которого формально относились к своим служебным обязанностям, осуществляя в основном бумажную фиксацию совершенных преступлений и разыскиваемых лиц. Лишь в том случае, если преступления имели принципиальную для государства важность, сыскная полиция подключалась к расследованию. Среди основных причин несостоятельности данного подразделения исследователи отмечают недостаток кадрового обеспечения, низкую оплату труда, отсутствие налаженной системы взаимодействия с сотрудниками наружной полиции. Подтверждают эти факты отдельные архивные документы Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга, в которых отмечается неэффективность раскрываемости преступлений ввиду отсутствия организованности в работе сыскной полиции. При этом в работе Р.С. Мулукаева мы находим доказательства того, что работа сыска в Санкт-Петербурге была более чем эффективной, учитывая, что по состоянию на 1867 год «из 719 розысков с успехом закончено 319», то есть раскрываемость составила почти 43% [8, с. 110].

По мнению В.И. Елинского в 1867 г. в Санкт-Петербурге из 7 совершенных убийств было раскрыто 6, а средний процент раскрываемости иных общеуголовных преступлений составил 55,95% [8, с. 60]. Для учреждения, которое только начинало свою деятельность, приведенные цифры являются достаточно показательными. Кроме того, распространение столичной практики, связанной с созданием сыска, на отдельные города империи доказывает факт состоятельности нового правоохранительного органа для развития безопасности государства и снижения криминогенности общества.

Таким образом, процесс создания и институализации сыска в Российской империи во второй половине XIX века во многом определялся спецификой социально-экономических противоречий в государстве, наиболее ярко себя проявивших после отмены крепостного права. Необходимость в создании данного органа правоохранительной системы во многом была оправдана маргинализацией городского населения, и, как следствие, увеличением криминогенной обстановки. Анализ проблем институализации сыска Санкт-Петербурга приводит к выводу о том, что при небольшой численности отделения оно достаточно успешно справлялось с поставленными перед государством задачами, о чем говорит статистика раскрываемости преступлений.

#### Литература

1. Временные правила об устройстве полиции в городах и уездах губерний, по общему учреждению управляемых // Полное собрание законов Российской империи. Собр. II. Т. 37. № 39087.
2. Всеподданнейший отчет о деятельности Санкт-Петербургской городской полиции за 1867 год. – Санкт-Петербург, 1868.
3. *Елинский В.И.* История уголовного сыска в России (X – начало XX в.). – Москва, 2004. – 78 с.

4. *Казанцев А.В.* Реформирование органов внутренних дел Российской империи в 60-80 гг. XIX века // Молодой ученый. 2012. № 12. С. 394-397.
5. *Кузнецов В.Н.* Становление и развитие форм и методов деятельности сыскной полиции в Российской Империи // Научный портал МВД России. 2012. № 4. С. 56-59.
6. *Лядов А.О.* Уголовный сыск в дореволюционной России (историко-правовой аспект): автореф. дис.... канд. юрид. наук. – Санкт-Петербург, 1997. – 27 с.
7. *Матиенко Т.Л.* Российский сыск в IX – первой половине XIX века. Генезис и становление: монография. – Москва, 2010. – 191 с.
8. *Мулукаев Р.С.* Полиция в России (XIX в. – начале XX в.): монография. – Нижний Новгород, 1993. – 104 с.
9. *Невский С.А.* Создание сыскных отделений в Российской империи // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 1(11). С. 257-261.
10. *Сичинский Е.П.* Уголовный сыск России в X – начале XX вв.: учебное пособие. – Челябинск, 2002. – 76 с.
11. *Ситковский А.Л., Невский С.А.* Сыскная полиция в России во второй половине XIX вв.: правовые и организационные основы деятельности // Профessional. 2011. № 3. С. 30-34.

## **ВЛИЯНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ЯЗЫКОВУЮ ПОДГОТОВКУ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ**

**УДК 378.14**

**Земляков В.Д.,**

**Землякова Т.А.**

(Бел ЮИ МВД России имени И.Д. Путилина)

**Аннотация:** в статье авторы рассматривают проблемы профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел МВД России. В статье дается краткий исторический обзор профессиональной подготовки полицейских с момента формирования органов полиции в Российской империи до наших дней. В центре внимания находится влияние различных цивилизационных процессов на лингвистическую подготовку сотрудников органов внутренних дел в России. Лингвистическая подготовка в системе профессионального образования полиции преодолела непростой путь.

Прошло без малого два века с момента формирования органов полиции в Российской империи до возникновения первых школ и курсов, специализирующихся на узкой профессиональной подготовке полицейских. В программе появляются следующие специфические направления: сыскное дело, осмотр и описание места происшествия, сбор вещественных доказательств, допрос подозреваемого, идентификация личности человека.

Лингвистическая подготовка отсутствовала, но необходимость в специалистах, владеющих иностранным языком, безусловно, назревала. Возникла проблема во взаимодействии полиции различных стран. Именно поэтому возник интерес к языку эсперанто. Этот язык мог бы стать международным полицейским языком. Попытка эта в силу различных исторических обстоятельств оказалась неудачной. Поэтому лингвистическая подготовка попадает в фокус внимания организаторов профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел.

Современная лингвистическая подготовка получила следующие характерные черты: профессионально ориентированное обучение иностранному языку, усиление роли самостоятельной работы в рамках изучения иностранного языка, приоритет обучения профессиональному общению на иностранном языке (обучение неподготовленной речи), увеличение доли активных и интерактивных форм обучения при проведении практических занятий по иностранному языку, активное использование технических средств обучения для создания искусственной языковой среды, создание информационно-образовательной языковой среды в кабинете иностранных языков, активное вовлечение обучающихся во внеаудиторные мероприятия.

**Ключевые слова:** подготовка, профессиональный, полиция, иностранный язык, сотрудник, специалист.

## THE INFLUENCE OF CIVILIZATION PROCESSES ON THE LANGUAGE TRAINING OF POLICE OFFICERS

**Zemlyakov V.D.,  
Zemlyakova T.A.**

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

**Abstract:** in the article the authors consider the problems of vocational training of law-enforcement officers of the MIA of Russia. In the article it is given the short historical review of vocational training of policemen from the moment of the forming of the police bodies in the Russian Empire up to present time. In the focus there is an influence of various civilization processes on linguistic training of the law-enforcement officers in Russia. The linguistic training in system of the police vocational training has overcome not a simple way.

Has passed without small two centuries from the moment of the police bodies forming in the Russian Empire before an origin of the first schools and courses specializing in narrow vocational training of policemen. In the program there are following specific directions –the detective work, search and crime scene description, collection of physical evidence, interrogation of the suspect, and the person's identification.

The linguistic training was absent, but the necessity for the specialists knowing a foreign language became ripe absolutely. There was a problem in interaction of police of the various countries. For this reason there was an interest to Esperanto

language. This language could become the international police language. This attempt owing to various historical circumstances has appeared unsuccessful. Therefore the linguistic training gets to focus of the organizers' attention in vocational training of the law-enforcement officers.

A modern linguistic training has got the following characteristic features: professionally focused training to a foreign language, strengthening of an independent work role within the learning of a foreign language, a training priority to professional dialogues in a foreign language (training of unprepared speech), increase in a share of active and interactive modes of studying at conducting practical lessons on a foreign language, active use of technical means of training for the creation of the artificial language environment, the creation of the information-educational language environment in a foreign languages study, active involving trainees in out-of-class events.

**Key words:** training, professional, police, foreign language, officer, specialist.

Развитие цивилизации не обходит стороной ни один аспект человеческой жизни. Не осталось в стороне и образование, в том числе профессиональная подготовка сотрудников полиции. В данной статье мы хотим рассмотреть историю становления и развития профессионального образования сотрудников полиции.

Начало деятельности органов полиции Российской империи принято соотносить с 25 мая 1718 года, датой учреждения должности Санкт-Петербургского генерал-полицмейстера. Конец XVIII века – начало XIX века характеризовались слабой подготовкой сотрудников полиции, которая в это время проходила становление; острым недостатком квалифицированных чиновников; отсутствием как таковой профессиональной подготовки правоохранительных органов. А так как качественная подготовка к профессиональной деятельности, безусловно, является залогом успеха при выполнении стоящих перед специалистом задач, низкий профессиональный уровень сотрудников полиции оказывал негативное влияние на эффективность служебной деятельности полиции в целом.

Середина XIX века была отмечена подготовкой проведения различных реформ на государственном уровне, в том числе и в сфере профессиональной подготовки сотрудников полиции, требования к которой закономерно возрастали. Необходимость обучения полицейских, изучение ими юриспруденции определялись также ростом грамотности, в том числе и правовой, населения страны.

Сотрудники полиции делились на 2 группы. В первую группу, руководящий состав, входили сотрудники с университетским дипломом гражданских образовательных организаций без специальной профессиональной подготовки, что не могло не сказаться на компетентности представителей данной категории. Вторая группа состояла из сотрудников средних и низших полицейских чинов, также не имевших специализированной профессиональной подготовки. Из 1609 полицейских в период с 1 ноября 1894 г. по 1 августа 1895 г. лишь 17% обладали дипломом о высшем образовании, 10,32% имели среднее образование, и 72,68% – низшее. Можно говорить о достаточно высоких общеоб-

разовательных знаниях некоторых полицейских в тот период времени, но для эффективной служебной деятельности все же требовались специальная полицейская подготовка и навыки практической работы.

Существенным прорывом в подготовке сотрудников полиции можно считать утверждение Министерством внутренних дел в 1913 году единой учебной программы школ и курсов по подготовке полицейских урядников. В рамках программы необходимо было освоить «русский язык, законоведение, положения об общеполицейских обязанностях, сыскное дело, строевая и стрелковая подготовки» [1, см. сайт <http://institutemvd.by>], подготовка к практической деятельности включала в себя «осмотр и описание места происшествия, обнаружение и допрос свидетелей, сбор вещественных доказательств, допрос подозреваемого в преступлении, установление личности преступника, ознакомление со вспомогательными средствами обнаружения преступника (регистрация, фотография, словесный портрет, использование полицейских собак и др.)» [1, см. сайт <http://institutemvd.by>], что должно было привести к росту числа специалистов, способных осуществлять результативную служебную деятельность.

В это же время закладываются основы международного полицейского взаимодействия, потребность в котором назревала во многих странах. Вопрос такого взаимодействия полиции разных стран, встречавший затруднение в способах профессионального общения между сотрудниками полиции, предлагалось решить с помощью языка – эсперанто, который должен был стать единым языком для полицейских, или, по-другому, международным полицейским языком. Создатель столь привлекательного для решения полицейских задач языка был доктор Людовик Заменгоф. «Дирекции французской и шведской полиции обратилась в главнейшие города Европы и крупные города России с предложением, чтобы язык эсперанто сделался международным полицейским языком» [2, с. 20]. Таким образом, и у сотрудников российской полиции возник интерес к изучению и использованию эсперанто, на котором даже публиковались приказы. Охвативший сотрудников полиции бум по изучению эсперанто можно считать прародителем лингвистической подготовки сотрудников полиции в настоящее время. К сожалению, опыт изучения международного языка и закрепления за ним статуса международного полицейского языка оказался неэффективным, эсперантское движение подверглось репрессиям.

Таким образом, профессиональная полицейская подготовка в нашей стране берет свое начало от создания специализированных школ и курсов в начале XX века. На протяжении многих лет процесс подготовки сотрудников полиции развивался и изменился до неузнаваемости. Изменились сроки обучения, если раньше курс обучения составлял 3 месяца, то в настоящее время довольно-таки насыщенную программу профессионального обучения лиц рядового и младшего начальствующего состава, впервые принимаемых на службу в органы внутренних дел (на базе общего среднего и (или) среднего профессионального (неюридического) образования) по профессии Полицейский, можно освоить за 6 месяцев, а обучение по программам высшего образования длится 5 лет. Ранее обучение могли проходить только лица мужского пола, в

настоящее время двери в образовательные организации и учебные центры системы МВД России открыты и для лиц женского пола. Нельзя даже сравнить насыщенность современных программ по подготовке сотрудников полиции с первой единой программой, утвержденной в 1913 году. И одним из важных отличий, появившихся по требованию времени, является интегрирование учебной дисциплины «Иностранный язык» в систему профессиональной полицейской подготовки. Попытка решения вопроса о возможности профессионального общения полицейских разных стран на каком-то одном международном языке не увенчалась успехом. Поэтому необходимо было искать выход из создавшегося положения.

С созданием высших школ милиции решено было включить учебную дисциплину «Иностранный язык». С тех пор менялись цели, формы, методы, приоритетные направления обучения иностранному языку сотрудников органов внутренних дел. В настоящее время лингвистическая подготовка сотрудников органов внутренних дел выглядит следующим образом.

Целью языковой подготовки сотрудников органов внутренних дел является достижение уровня, достаточного для практического использования иностранного языка в профессиональной деятельности.

В современных условиях особенностями такой языковой подготовки можно назвать следующие:

1. Профессионально ориентированное обучение иностранному языку.
2. Усиление роли самостоятельной работы в рамках изучения иностранного языка.
3. Приоритет обучения профессиональному общению на иностранном языке (обучение неподготовленной речи).
4. Увеличение доли активных и интерактивных форм обучения при проведении практических занятий по иностранному языку.
5. Активное использование технических средств обучения для создания искусственной языковой среды.
6. Создание информационно-образовательной языковой среды в кабинете иностранных языков.
7. Активное вовлечение обучающихся во внеаудиторные мероприятия.

#### Литература

1. *Косенко А.А.* Проблемы профессиональной подготовки сотрудников полиции в 1862-1917 годах // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://institutemvd.by>.
2. Вестник полиции. 2015. № 13. С. 20; 2016. № 33. С. 799.

# АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ОСОБЕННОСТИ РАСКРЫТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

УКД 343

**Киданова Н.Л.,**  
*кандидат экономических наук*  
(Бел ЮИ МВД России имени И.Д. Путилина)

**Аннотация:** в статье рассмотрены особенности коррупционных явлений, так как главной из важнейших задач российского государства остается решение проблемы по избавлению общества от коррупционной преступности, путем оказания эффективного противодействия с целью удержания ее на социально «возможном» уровне. Раскрыты законодательные основы, факторы и критерии, влияющие на формирование теоретической проработки проблем первичного учета следователями и дознавателями коррупционных преступлений, а также даны рекомендации по организации обеспечения контроля документов организации.

**Ключевые слова:** коррупция, экономические преступления, правовое обеспечение, антикоррупционный сегмент.

## CURRENT ISSUES AND SPECIFICS OF SOLVING CORRUPTION CASES IN THE SPHERE OF ECONOMIC CRIME

**Kidanova N.L.,**  
*candidate of economic sciences*  
(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

**Abstract:** the article deals with the specifics of corruption, as major objectives of the Russian government include elimination of corruption by means of efficient counteracting with a purpose to keep it at a socially “possible” level. It describes the legislative grounds, factors and criteria, which influence the theoretical exploration of primary reporting by detectives and interrogation officers about corruption cases, and contains recommendations on maintaining control of documents of institutions.

**Key words:** corruption, economic crime, legal coverage, anticorruption segment.

Одной из самых актуальных проблем для России продолжает оставаться проблема борьбы с коррупцией<sup>1</sup>. Ее размах и уровень проникновения, ущерб, причиняемый государству, экономике и обществу, оказывает отрицательное

---

<sup>1</sup> Федеральный закон РФ от 25 июля 2006 г. № 125-ФЗ «О ратификации Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3424.

влияние на моральные и нравственные качества граждан. Случаи коррупции среди представителей органов государственной власти, в том числе сотрудников органов внутренних дел, поколебавшие уверенность граждан в способности правоохранительных структур защитить их интересы, являются критерием для включения коррупции в перечень значимых источников угроз национальной безопасности страны. Следовательно, возникает «острая» необходимость в формировании целенаправленной правовой базы для борьбы с коррупцией, что в свою очередь одновременно обеспечивало бы ее эффективность и создавало бы необходимые юридические предпосылки для надлежащей организации деятельности правоохранительных органов по учету коррупционных преступлений. Такая задача становится приоритетным направлением государственной политики, а ее реализация во многом зависит от обеспечения информационных потребностей государственных органов в полной, своевременной, достоверной информации, характеризующей состояние коррупционной преступности. В ежегодном Послании Федеральному Собранию Российской Федерации Президент Российской Федерации<sup>1</sup> В.В. Путин обратил внимание общественности, правоохранительных и контролирующих органов на наличие фактов коррупционных проявлений в различных сферах государственного управления, в том числе в форме нецелевого использования или хищения бюджетных средств, выделяемых на государственный оборонный заказ и капитальное строительство гражданских объектов.

Одним из условий решения указанных задач является борьба с экономическими и должностными преступлениями, такими как: взяточничество, криминальные банкротства, уклонение от погашения кредиторской задолженности, уклонение от уплаты налогов и сборов и т.д. В процессе расследования экономических и должностных преступлений чаще всего производятся осмотры документов и помещений. Целью осмотра документов является выявление и фиксирование таких признаков, которые придают им значение вещественных доказательств, а также установление наличия в них сведений, имеющих значение для уголовного дела. Для принятия сотрудниками правоохранительных органов обоснованных решений на всех стадиях раскрытия и расследования преступлений коррупционной направленности необходим анализ и обобщение больших объемов данных, полученных как из конфиденциальных, так и открытых источников.

Преступная деятельность становится более организованной и технически оснащенной, что значительно усложняет процесс выявления и раскрытия преступлений. В связи с этим возрастает необходимость разработки новых форм и способов применения специальных экономических познаний для их использования в уголовном судопроизводстве, а также в административном процессе при рассмотрении экономических, налоговых и таможенных правонарушений. При анализе документов организации, специалисты должны

---

<sup>1</sup> Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 04.12.2014 // Российская газета. 2014. 5 декабря.

уметь выявлять те из них, которые отражают незаконные или фиктивные факты финансово-хозяйственной деятельности. С этой целью необходимо правильно интерпретировать данные и информационные сведения для проведения проверки, исходя из обстоятельств и характера выявленных нарушений – излагать результаты и разрабатывать рекомендации по результатам проверки. Раскрытие экономических преступлений с целью обнаружения в них признаков подлога зачастую сопровождается типичными ошибками и нарушениями в оформлении документации, такими как:

- нераскрытие в документации существенных показателей деятельности организации за отчетный период;
- показатели отчетности не подтверждены результатами инвентаризации;
- отсутствие взаимосвязки отдельных показателей различных форм документации;
- несоставление промежуточной отчетности;
- неопубликование отчетности;
- нераскрытие либо недостаточное раскрытие последствий условных фактов;
- нераскрытие либо неполное раскрытие организациями, имеющими дочерние общества, информации по сегментам и др.

Типичными ошибками и нарушениями оформления документов в соответствии с требованиями действующего законодательства являются следующие:

- несоответствие отдельных положений учетной политики организации требованиям действующих нормативных актов;
- нераскрытие в документации информации о финансово-хозяйственной деятельности организации за отчетный период;
- проверка правильности оформления выписок со счетов в банке и документов, приложенных к выпискам, подтверждающим операции;
- финансовые условия расчетов, т.е. форма расчетов (аккредитив, инкассо и т.д.);
- отсутствие корректировок налогооблагаемой прибыли на суммы доходов и расходов прошлых периодов.

Использование методических приемов исследования документации для обнаружения учетных несоответствий при оформлении фактов хозяйственной деятельности организации способствует сбору доказательственной информации при расследовании уголовных и гражданских дел. Исходную информацию о признаках противоправных действий в дальнейшем можно применять как в административном, так и в исполнительном производстве.

Проблема коррупционных явлений и отдельных общественно опасных деяний в сфере предпринимательской деятельности сейчас весьма актуальны. Функционирование в настоящее время рыночной экономики не полностью обеспечивает соответствующим контролем экономическую и хозяйственную стороны деятельности организаций, а недостаточная координация правоохранительных органов, непоследовательная деятельность государства привели к появлению новых негативных процессов, которые способствуют

продолжающейся криминализации экономики и коррумпированности. С одной стороны, принимаются либеральные законы, ограничивающие предпринимателей от произвола недобросовестных сотрудников правоохранительных органов на этапе выявления признаков экономических преступлений, а также возбуждения уголовных дел и предварительного расследования. А с другой стороны, создаются новые контролирующие органы, которые наделяются полномочиями в сфере контроля за экономическими отношениями хозяйствующих субъектов. Одной из важнейших проблем выявления и доказывания преступлений в сфере экономической деятельности на самых ранних этапах обнаружения признаков преступления является определение соответствующих правоохранительных органов, их полномочий в указанной сфере. Говоря о вопросах полномочий сотрудников полиции и органов предварительного расследования, непосредственно осуществляющих проверку организаций, вызывают большой интерес со стороны как граждан и организации, так и специалистов в области защиты прав предпринимателей и правоохранительных органов.

Принимаемые государством меры, направленные на борьбу с различными формами социально опасных коррупционных проявлений и экономических преступлений, стимулировали бы повышение эффективности функционирования правоохранительных органов по выявлению, пресечению, раскрытию и расследованию преступлений коррупционного характера. Однако без учета всех криминальных коррупционных проявлений, имеющих место в нашем обществе, невозможно знать истинное состояние коррупционной преступности и принимать адекватные меры «борьбы». Как нельзя говорить о надлежащей организации деятельности правоохранительных органов по учету преступлений коррупционного характера без определения его понятия, содержания и современного состояния. Размер причиняемого экономическими преступлениями ущерба за последние годы значительно вырос. По мнению многих ученых, доходы теневого бизнеса могут сравниться с прибылью от незаконной торговли наркотиками. Характерной тенденцией развития человеческого общества в XXI веке является широкая информатизация различных сфер деятельности человека, включая правоохранительную.

#### Литература

1. <http://www.sud-expertiza.ru> - Центр судебных экспертиз АНО.

# ГУМАНИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ПОДГОТОВКИ ОБУЧАЮЩИХСЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ МВД РОССИИ

УДК 317:378

**Меняйло Л.Н.,**

*кандидат политических наук;*

**Тищенко И.В.,**

*кандидат юридических наук*

(Бел ЮИ МВД России имени И.Д. Путилина)

**Аннотация:** в статье рассматривается гуманизация образования как фактор повышения качества подготовки обучающихся, основные тенденции гуманизации образования в образовательных организациях МВД России.

**Ключевые слова:** обучающиеся, образовательный процесс, гуманизация, гуманистические ценности.

## HUMANIZATION OF EDUCATION AS FACTOR OF IMPROVEMENT OF QUALITY OF TRAINING OF STUDENTS OF THE EDUCATIONAL ORGANIZATIONS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF THE RUSSIAN FEDERATION

**Menyaylo L.N.,**

*candidate of political science;*

**Tischenko I.V.,**

*candidate of jurisprudence science*

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

**Abstract:** in article humanization of education as a factor of improvement of quality of training of students, the main tendencies of humanization of education in the educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation is considered.

**Key words:** students, educational process, humanization, humanistic values.

Изучение и анализ научной литературы позволяют констатировать, что вопросы гуманизации образования остаются актуальными и сегодня. В философском словаре дается понятие гуманизма как совокупности взглядов, выражающих уважение достоинства и прав человека, его ценность как личности, заботу о благе людей, их всестороннем развитии, о создании благоприятных для человека условий общественной жизни.

Теоретической платформой гуманистической парадигмы является эпоха Возрождения. Именно тогда идеи гуманизма воплотились через объявление

высшей ценностью личности человека, через защиту ее чести и достоинства, через гармонизацию личных и общественных интересов, признание права личности на свободу, развитие и проявление своих способностей.

Сегодня гуманизация образования предполагает качественный переосмотр и изменение всей системы обучения и воспитания, начиная с изменения целей и заканчивая конкретными формами и методами обучения.

Гуманизация образования предполагает в роли приоритетов прежде всего человекоориентированные идеи, непрерывность и доступность образования, переориентацию образовательных целей на новый тип профессионального мышления обучающихся [1, с. 422]. Это поворот всех звеньев образовательного процесса к личности обучающегося. Российское образование имеет давние и богатые традиции. Названные принципы максимально полно их учитывают, аккумулируя достижения отечественного образования, его нацеленность на общечеловеческие и универсальные ценности.

Особое значение последовательно реализуемая гуманизация образования приобретает для обучающихся в образовательных организациях МВД России, где профессорско-преподавательским составом вырабатываются такие формы и методы обучения и воспитания, которые способны обеспечить наиболее эффективное всестороннее развитие личности обучающегося, начиная от «его познавательных интересов и процессов, профессионально-личностных качеств» и заканчивая созданием условий, при которых курсант и слушатель хочет и имеет возможность учиться [2, с. 26]. С методологической позиции гуманизация образования для обучающихся в образовательных организациях системы МВД России имеет первостепенное значение, поскольку включенность обучающихся в образовательный процесс в рамках активных, интерактивных, инновационных, практико-ориентированных форм и методов образования отражается на результативности образования, сформированности компетенции и в целом на профессиональном становлении личности.

На сегодняшний день свободное развитие личности в качестве основополагающего принципа образовательной политики государства означает признание за ней собственной позиции, права на самоопределение и реализацию своего внутреннего потенциала в образовательном процессе. Несмотря на то, что гуманизация образования подразумевает взаимодействие участников образовательного процесса как равноправных партнеров, нельзя недооценивать роль профессорско-преподавательского состава. Именно преподаватель должен обозначить конкретные условия реализации гуманистической парадигмы в образовательном процессе. Профессорско-преподавательскому составу необходимо учитывать, что образовательные организации системы МВД России призваны выполнять прежде всего социальный заказ общества по подготовке высококвалифицированных специалистов, обладающих высоким уровнем культуры, правового мировоззрения, имеющих сформированную систему ценностей и идеалов, способных выполнять задачи, стоящие перед органами внутренних дел в соответствии с ожиданиями общества. Именно поэтому гуманистическая парадигма в образовательном процессе в образовательных ор-

ганизациях МВД России должна опираться на педагогическое управление, без которого невозможно реализовать перспективные цели образования и сформировать личность сотрудника ОВД с необходимыми обществу ценностно-мотивационными установками.

Кроме того, сегодня образование невозможно рассматривать отдельно от самообразования, от стремления личности обучающегося к пониманию политических, социальных, экономических, правовых проблем современности. В рамках компетентностного подхода реализация данного направления возможна через формирование способности понимать и анализировать мировоззренческие, социально и личностно значимые проблемы, способности работать с разными источниками информации и информационными ресурсами, способности к критическому мышлению, анализу и обобщению информации, способности понимать социальную значимость своей профессии.

Нельзя не согласиться со Шмаковой А.П., которая справедливо заметила, что построение образовательных отношений на основе гуманистических ценностей и идеалов характеризуется переходом от монологической формы воздействия педагога к диалогической стратегии взаимодействия субъектов образовательного процесса [3, с. 356].

По нашему мнению, необходимо, чтобы процесс познания приближался к исследовательской деятельности. Реализовать указанное направление возможно, во-первых, в рамках привлечения обучающихся к подготовке научно-исследовательских работ по актуальным вопросам правоохранительной деятельности. При этом необходимо уделять отдельное внимание оптимальному сочетанию самостоятельной, поисковой деятельности обучающихся с усвоением готовых выводов науки.

Во-вторых, для этих целей подходит проблемное обучение, при котором профессорско-преподавательским составом систематически создаются проблемные ситуации и организуется деятельность обучающихся по решению ситуационных задач, связанных с практической деятельностью органов внутренних дел.

Проблемное обучение должно базироваться на тщательно разработанной методике проведения занятий с продуманной системой проблемных ситуаций, соответствующих познавательным возможностям обучающихся разных курсов. Проблемное обучение направлено на формирование познавательной самостоятельности учащихся, развитие их логического, рационального и критического мышления, а также предполагает не только усвоение результатов научного познания, но и самого пути познания, способов творческой деятельности.

Как показывает практика, выполнение указанных задач вызывает у обучающихся определенные трудности (особенно у обучающихся первых-вторых курсов), так как для того, чтобы их выполнить, они должны не только изучить соответствующий нормативный и лекционный материал, научную и учебную литературу, но и уметь сопоставлять, анализировать, выделять главное.

Обобщая различные взгляды на гуманизацию образования, отметим, что на сегодняшнем этапе развития общества есть реальная возможность позволить обучающемуся не только овладеть базовыми профессиональными зна-

ниями, но и общечеловеческой культурой, на основе которой возможно полноценное и гармоничное развитие всех сторон личности, сделать акцент на формировании личности как активного субъекта творческого труда, способного к самообразованию и самосовершенствованию.

#### Литература

1. *Кулишов В.В.* Гуманизация образования в условиях негуманистической реальности / Гуманизация образовательного пространства: материалы Международной научной конференции. 2016. С. 421-430.

2. *Ёлгина Л.С.* Гуманизация профессионального образования как фактор повышения качества подготовки студентов в вузе // Вестник Бурятского государственного университета. 2016. Вып. 1. С. 25-32.

3. *Шмакова А.П.* Гуманизация образовательных отношений в контексте компетентностного подхода / Двадцать первые апрельские экономические чтения: материалы Международной научно-практической конференции. 2015. С. 354-358.

### **ОСОБЕННОСТИ ПРОЕКТИРОВАНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ СПЕЦИАЛИТЕТА ДЛЯ СОТРУДНИКОВ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ БЕЗОПАСНОСТИ НА ТРАНСПОРТЕ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ МВД РОССИИ**

**УДК 378.14.015.62÷351.81**

**Литвинова Н.В.,**

*адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров  
(Санкт-Петербургский университет МВД России)*

**Аннотация:** с 2011 года в вузах МВД России открыта подготовка сотрудников органов внутренних дел по специальности «Правоохранительная деятельность» (уровень специалитета) (ФГОС 3) [1]. С 2014 года в Белгородском юридическом институте имени И.Д. Путилина в рамках, определенных ФГОС 3 специализаций «оперативно-розыскная деятельность» и «административная деятельность» ведется подготовка сотрудников для подразделений по обеспечению безопасности на транспорте. По вышеназванной специальности приказом Минобрнауки России в 2016 году был утвержден федеральный образовательный стандарт высшего образования, так называемый ФГОС 3+, вступивший в силу с 1 января 2017 года, который регламентирует резкий переход на обучение в соответствии с требованиями нового образовательного стандарта [2].

В недалеком будущем для названной специальности предполагается утверждение федерального государственного образовательного стандарта четвертого поколения (ФГОС 4). Отличительные особенности ФГОС 4 от ФГОС 3+ предполагают еще более значительное расширение полномочий образовательной организации с учетом положений профессиональных стандартов (обобщенные трудовые функции, трудовые функции, трудовые действия) и других требований работодателей. Ожидается, что в ФГОС 4 требования к результатам освоения программы будут носить обобщенный перечень универсальных и общепрофессиональных компетенций, что потребует разработки новых, необходимых показателей и критериев оценивания профессиональной подготовки интересующей нас категории сотрудников полиции.

Таким образом, с введением нового ФГОС на образовательную организацию и всех участников образовательного процесса ложится огромная ответственность за разработку и реализацию основных профессиональных образовательных программ, подготовку высококвалифицированных кадров, соответствующих запросам быстроменяющегося современного общества.

**Ключевые слова:** образовательный стандарт, компетенция, результат обучения, профессиональная подготовка, сотрудник, обеспечение безопасности на транспорте.

## **THE PROBLEM OF DEVELOPING CRITERIA AND INDICATORS OF TO ESTIMATION OF LEVEL OF PROFESSIONAL TRAINING OF EMPLOYEES IN SECURITY TRANSPORT**

**Litvinova N.V.,**

*adjunct faculty of training of scientific-pedagogical and scientific personnel  
of the Department of pedagogy and social psychology  
(Saint-Petersburg University of MIA of Russia)*

**Abstract:** since 2011 in the educational institutions of the MIA of Russia started training of employees of bodies of internal Affairs, specialty «law Enforcement» (specialty) (FSES 3)). With 2014 in the Belgorod legal Institute of a name of I. D. Putilin in the framework of the FSES 3 specializations «operational investigative activities» and «administrative activities» conducted training for departments to ensure safety in transportation. For the above specialty, the order of the Ministry of education and science Russian Federation in 2016 was approved by the Federal educational standard of higher education, the so-called FSES 3+, which entered into force on 1 January 2017, which reglamentary sharp transition training in accordance with the requirements of the new educational standard. In the near future is expected to transition to the FSES fourth generation. Distinctive features of FSES 4 FSES 3+ indicates an even more significant expansion of the powers of the educational organization subject to the provisions of professional standards (aggregated employment function, labor function, labor actions), and other requirements of em-

ployers. It is expected that FSES 4 requirements to the learning outcomes of the programme will be of a generic list of universal and professional competencies that will require the development of new, appropriate indicators and criteria of assessment vocational training, we are interested in the category of police officers.

Thus, with the introduction of a new FSES, educational organization and all participants in the educational process has an enormous responsibility for the development and implementation of the basic professional educational programs, training of highly qualified personnel complying with the requests of a rapidly changing modern society.

**Key words:** educational standard, competence, result of training, vocational training, employee, transport security.

В настоящее время действующие сотрудники подразделений по обеспечению безопасности на транспорте являются как выпускниками образовательных организаций МВД России, так и иных вузов, преимущественно имеющих высшее профессиональное образование предыдущего поколения (ГОС). Первые же дипломированные специалисты для органов внутренних дел, освоившие образовательную программу в соответствии с требованиями ФГОС, – выпускники 2015 года.

На сегодняшний день обучение осуществляется в соответствии с требованиями ФГОС 3+. Таким образом, первые выпускники – сотрудники для подразделений, обеспечивающих безопасность на транспорте, ожидаются в 2019 году.

Переход и смена образовательной парадигмы демонстрирует значительные изменения требования к профессиональной подготовленности специалиста:

– по ГОС-2 «Требования к профессиональной подготовленности юриста» включают знания, навыки и умения решать задачи, соответствующие квалификации и квалификационным требованиям выпускника, установленным образовательным стандартом;

– по ФГОС 3+ «Требованиями к результатам освоения программы специалитета» установлено, что в результате освоения образовательной программы у выпускника должны быть сформированы общекультурные, общепрофессиональные, профессиональные (соответствующие видам профессиональной деятельности) и профессионально-специализированные, (соответствующие специализации) компетенции.

В качестве ориентира на результат обучения основным направлением в модернизации является компетентностный подход. Компетентностная модель выпускника являет собой комплексный интегральный образ конечного результата образования, в основе которого лежит понятие «компетенция» [1]. Компетенции и результаты образования рассматриваются как главные целевые установки в реализации ФГОС, как интегрирующие начала «модели» выпускника.

В 2011 году реализация концепции компетентностно-ориентированного образовательного процесса в вузе МВД России становится неизбежной. Ве-

домственные образовательные организации довольно сложно принимают новую образовательную траекторию, которая определяется субъект-субъектными отношениями участников образовательного процесса, где «обучающийся» сменяет «обучаемого» и занимает главенствующую роль в образовательном процессе.

Предлагаем рассмотреть некоторые направления содержания образовательных стандартов двух поколений (что необходимо для понимания участниками образовательного процесса направлений модернизации результатов обучения) и внести изменения в последовательность содержания области профессиональной деятельности специалиста (см. табл. 1), установленной новым образовательным стандартом (ФГОС 3+).

Взяв на вооружение «главное предназначение полиции»<sup>1</sup>, изменить очередность компонентов, включенных в **область профессиональной деятельности выпускников**, и на первое место поставить «обеспечение законности и правопорядка, безопасности личности, общества и государства», а «разработку и реализацию правовых норм» сместить на третье место. Это обусловлено тем, что на выходе выпускник, рассматриваемой специальности первоначально является правоохранителем, а не юристом-разработчиком правовых норм. Далее определить приоритетность **видов профессиональной деятельности** этой специальности, также изменив очередность. На первое место по значимости поставим правоприменительную, второе займет оперативно-служебная, правотворческую сместим на третье, что будет соответствовать области профессиональной деятельности, четвертое займет экспертно-консультативная, последующие три вида профессиональной деятельности оставим на местах.

Вышеозначенные действия нужны для более детального подхода при планировании содержания и реализации образовательной программы специалиста, в последующем эффективной профессиональной деятельности сотрудников подразделений по обеспечению безопасности на транспорте. Актуальность проблемы обеспечения безопасности на транспорте потребовала подготовки квалифицированных специалистов в данной области: это специалисты в области обеспечения правопорядка и деятельности оперативных подразделений на объектах воздушного, водного, железнодорожного и других видов транспорта. Учитывая возрастающую роль и значение транспортных сообщений для социально-экономического развития нашей страны, для каждого человека в отдельности, необходимость обеспечения четкой, отлаженной и безопасной траектории этого направления деятельности – исключительно важное значение имеет предотвращение преступлений и усиление борьбы с правонарушениями на объектах транспорта и прилегающих территориях.

Необходимо отметить, что организация должна ориентироваться на конкретный вид (виды) профессиональной деятельности, к которому будет готовиться специалист, и выбирать специализации, исходя из потребностей рынка труда, научно-исследовательских и материально-технических ресурсов

---

<sup>1</sup> Статья 1. Федеральный закон Российской Федерации от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: [www.consultant.ru/](http://www.consultant.ru/)

образовательной организации. Выбор конкретного вида (видов) профессиональной деятельности поможет разработать «на местах» оптимизированную образовательную программу, где ключевые компетенции будут представлены в полном объеме, а специализированные в соответствии со специализацией и конкретным профилем. Результатом освоения такой программы будет высококвалифицированный специалист для подразделений по обеспечению безопасности на транспорте.

Таблица 1.

Требования к профессиональной подготовленности выпускника		Характеристика профессиональной деятельности выпускника	
ГОС 2		ФГОС 3+	
Область профессиональной деятельности	Объекты профессиональной деятельности	Область профессиональной деятельности	Объекты профессиональной деятельности
Правоохранительная деятельность, направленная на обеспечение законности и правопорядка, борьбу с преступностью и иными правонарушениями.	Юридические факты и правовые отношения, возникшие в сфере правоохранительной деятельности.	<ol style="list-style-type: none"> <li>1. Обеспечение законности и правопорядка, безопасности личности, общества и государства.</li> <li>2. Борьба с преступлениями и иными правонарушениями.</li> <li>3. Разработка и реализация правовых норм.</li> <li>4. Исполнение наказания.</li> <li>5. Юридическое образование и правовое воспитание.</li> </ol>	События и действия, имеющие юридическое значение, общественные отношения в сфере реализации правовых норм, осуществления правоохранительной деятельности.
Профессиональные задачи			
ГОС 2		ФГОС 3+	
юрист должен уметь решать задачи, соответствующие его квалификации и квалификационным требованиям, указанным в ГОС:		в соответствии видом (видами) профессиональной деятельности, на которую (которые) ориентирована программа специалитета:	
<ul style="list-style-type: none"> <li>• обеспечение безопасности личности;</li> <li>• охрана общественного порядка и обеспечение общественной безопасности;</li> <li>• предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений;</li> </ul>		<b>1. Правоприменительная деятельность</b> <ul style="list-style-type: none"> <li>• обоснование и принятие в пределах должностных обязанностей решений, а также совершение действий, связанных с реализацией правовых норм;</li> <li>• составление юридических документов.</li> </ul>	
		<b>2. Оперативно-служебная деятельность</b> <ul style="list-style-type: none"> <li>• обеспечение законности, правопорядка,</li> </ul>	

<ul style="list-style-type: none"> <li>• выявление и раскрытие преступлений;</li> <li>• защита частной, государственной, муниципальной и иных форм собственности;</li> <li>• оказание помощи физическим и юридическим лицам в защите прав и законных интересов;</li> <li>• анализ юридических норм и правовых отношений, являющихся объектами профессиональной деятельности;</li> <li>• обоснование и принятие в пределах должностных обязанностей решений, а также совершение действий, связанных с реализацией правовых норм;</li> <li>• составление соответствующих юридических и служебных документов;</li> <li>• обеспечение реализации актов применения права;</li> <li>• осуществление неотложных мер по спасению людей, в том числе при авариях, катастрофах, стихийных бедствиях и других чрезвычайных ситуациях.</li> </ul>	<p>безопасности личности, общества и государства;</p> <ul style="list-style-type: none"> <li>• защита жизни и здоровья граждан, охрана общественного порядка;</li> <li>• профилактика, предупреждение, выявление, пресечение преступлений и административных правонарушений;</li> <li>• раскрытие преступлений;</li> <li>• производство дознания по уголовным делам;</li> <li>• производство по делам об административных правонарушениях;</li> <li>• обеспечение реализации актов применения права;</li> <li>• обеспечение исполнения наказания;</li> <li>• организация и осуществление розыска лиц;</li> <li>• защита частной, государственной, муниципальной и иных видов собственности;</li> <li>• оказание помощи физическим и юридическим лицам в защите их прав и законных интересов;</li> <li>• сбор, анализ и оценка информации, имеющей значение для реализации правовых норм в сфере правоохранительной деятельности.</li> </ul>
	<p><b>3. Правотворческая деятельность</b> участие в разработке нормативно правовых актов в соответствии с профилем своей деятельности.</p>
	<p><b>4. Экспертно-консультационная деятельность</b></p> <ul style="list-style-type: none"> <li>• оказание юридической помощи, консультирование по вопросам права;</li> <li>• проведение правовой экспертизы нормативных актов.</li> </ul>
	<p><b>5. Организационно-управленческая деятельность</b></p> <ul style="list-style-type: none"> <li>• организация работы малых коллективов и групп исполнителей в процессе решения конкретных профессиональных задач.</li> </ul>
	<p><b>6. Научно-исследовательская деятельность</b></p> <ul style="list-style-type: none"> <li>• проведение прикладных научных исследований в соответствии с профилем своей профессиональной деятельности.</li> </ul>

	<p><b>7. Педагогическая деятельность</b></p> <ul style="list-style-type: none"> <li>• преподавание юридических дисциплин в общеобразовательных организациях, образовательных организациях среднего профессионального, высшего и дополнительного образования;</li> <li>• осуществление правового информирования и воспитания.</li> </ul> <p><b>профессиональные задачи в соответствии со специализациями*</b></p>
--	--

Необходимо отметить, что **профессиональные задачи в соответствии со специализациями\*** (Таблица 1, ФГОС 3+) определяются *квалификационными требованиями* к военно-профессиональной, специальной профессиональной подготовке выпускников, установленными федеральными государственными органами, в ведении которых находятся федеральные государственные организации, реализующие программу специалитета. Однако из имеющегося нормативно-правового обеспечения<sup>1</sup> довольно сложно сформулировать **профессиональные задачи в соответствии со специализацией**. Квалификационные требования к должностям сотрудников органов внутренних дел представлены обобщенно, что на наш взгляд является серьезным пробелом и как следствие вызывает затруднения при грамотном формировании трудовых действий (обязанностей) конкретного сотрудника, которые должны быть направлены на решение конкретных задач. Таким образом, для решения общественных проблем, достижения социально значимых целей развития общества в целом и отдельных его сфер возникает необходимость разработки и применения профессиональных стандартов, где будет описана профессия (специальность) для правоохранительной деятельности<sup>2</sup>.

ФГОС нового поколения значительно отличается от традиционной методической деятельности в образовательных организациях МВД России по реализации учебных планов предыдущих стандартов. В учебных планах на основе стандартов второго поколения были жестко заданы количество предметов, их содержание, характеристики трудоемкости, временные и другие структурно-содержательные параметры. ФГОС – это стандарт другого типа, предмет стандартизации в котором ориентирован не на ресурсные параметры процесса, а на его результаты. Новый стандарт предопределяет новый уровень деятельности по проектированию, более высокий уровень ответственности за проектирование, организацию и результаты процесса образования и обучения.

<sup>1</sup> Приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации от 18 мая 2012 года № 521 «О квалификационных требованиях к должностям рядового состава, младшего, среднего и старшего начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: [www.consultant.ru/](http://www.consultant.ru/).

<sup>2</sup> Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 года № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики» // Российская газета. Столичный выпуск. 2012. 9 мая.

Отличия стандартов второго и третьего поколения – это появление компетенций, проектирование и реализация образовательной программы с использованием зачетных единиц. В ГОС предъявляются *требования к основной образовательной программе* подготовки юриста<sup>1</sup>, тогда как в ФГОС – *требования к условиям реализации программы специалитета*, освоение программы завершается присвоением квалификации, указанной в Перечне специальностей высшего образования, утвержденном Министерством образования и науки Российской Федерации.

Наряду с обязательным «набором» компетенций, установленных ФГОС и соответствующих видам профессиональной деятельности, выпускник должен обладать в зависимости от специализации профессионально-специализированными (ПСК) компетенциями, содержание которых определяется, как и профессиональные задачи, квалификационными требованиями, что включается в набор требуемых результатов освоения программы специалитета<sup>2</sup>. Таким образом, в новом стандарте изменена результативно-целевая составляющая образовательной программы.

Подготовка специалистов для подразделений по обеспечению безопасности на транспорте осуществляется в рамках специализаций «оперативно-розыскная деятельность» и «административная деятельность» по узким специализациям «деятельность оперативных подразделений на транспорте», «обеспечение правопорядка на объектах транспорта и охрана общественного порядка», а профессиональные задачи определяются в соответствии с видом (видами) профессиональной деятельности и специализациями. Составители должны понимать всю ответственность за включение того или иного вида (видов) профессиональной деятельности в образовательную программу специалитета, реализация которой предусматривает необходимый набор учебных дисциплин и других компонентов для выполнения определенных профессиональных задач. Действующие трудовые функции (трудовые действия, необходимые знания, умения и другие характеристики (компетенции)) профессиональной деятельности сотрудников подразделений по обеспечению безопасности на транспорте должны быть предусмотрительно взаимосвязаны с квалификационной характеристикой профессиональной деятельности выпускников, освоивших программу специалитета. Первоначально это требует нового механизма описания показателей, критериев оценивания и шкал оценивания компетенций, продиктованных ФГОС специалиста. Иными словами, необходимо разработать грамотное, понятное, быстрое и без излишней трудозатратности для всех участников образовательного процесса

---

<sup>1</sup> Министерство образования и науки Российской Федерации. Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования. Специальность 030505 Правоохранительная деятельность, утвержден 27 декабря 2005 г. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru).

<sup>2</sup> Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 16 ноября 2016 г. № 1424 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по специальности 40.05.02 Правоохранительная деятельность (уровень специалитета) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: [www.consultant.ru/](http://www.consultant.ru/).

оценивание компетенций, что будет являться одним из педагогических условий оптимизации профессиональной подготовки сотрудников подразделений по обеспечению безопасности на транспорте.

В свою очередь современная образовательная парадигма указывает на расширение профессионализма, коммуникаций и креативности специалистов в процессе своей профессиональной деятельности, т.е. готовность специалиста как к решению конкретных профессиональных задач, так и профессиональной деятельности в целом, что направляет каждого члена общества на путь непрерывного образования в течение всей жизни. Уровень профессиональной подготовленности сотрудников подразделений по обеспечению безопасности на транспорте должен отвечать современной образовательной парадигме и результативно-целевой составляющей образовательной программы специалиста, а также запросам человека, общества и государства.

### Литература

1. Шехонин А.А., Тарлыков В.А., Клещева И.В. [и др.]. Компетентностно-ориентированные задания в системе высшего образования: учебное пособие. – Санкт-Петербург: НИУ ИТМО, 2014. – 99 с.

2. Силкин Н.Н., Хальзов В.И., Липницкий А.В. Психологическая подготовка сотрудников ОВД: особенности, критерии оценки, формирование: учебное пособие. – Санкт-Петербург: СПбА МВД РФ, 1997. – 64 с.

## **ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИИ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ, ПРОХОДЯЩИХ ПЕРВОНАЧАЛЬНУЮ ПОДГОТОВКУ**

**УДК 159.9.075**

**Сяба М.В.,**

*кандидат педагогических наук*

(Бел ЮИ МВД России имени И.Д. Путилина)

**Аннотация:** в статье предпринята попытка изучить мотивацию сотрудников полиции, проходящих первоначальную подготовку. Исследованы основные мотивы поступления на службу в органы внутренних дел, стимулы, позволяющие сотрудникам работать лучше, а также пути предупреждения и разрешения конфликтов.

**Ключевые слова:** мотивация, первоначальная подготовка, полиция, конфликт, стимул.

## PECULIARITIES OF MOTIVATION OF POLICE STAFF ATTENDING THE INITIAL PREPARATION

**Syaba M.V.,**

*candidate of pedagogical sciences*

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia)

**Abstract:** the article attempts to study the motivation of police officers undergoing initial training. The main motives for entering the service in internal affairs agencies, incentives for employees to work better, as well as ways of preventing and resolving conflicts, are investigated.

**Key words:** motivation, initial training, police, conflict, incentive.

В условиях происходящих социально-экономических реформ, сопровождающихся ухудшением криминогенной обстановки в стране, особое значение приобретает обеспечение высокой эффективности борьбы с преступностью [1, с. 3]. Эффективность такой борьбы зависит от уровня профессионализма сотрудников полиции, их отношения к своей профессии, а также устойчивой мотивации к профессиональной деятельности.

Понимание функций мотивации дает возможность получения нужного результата в установленные сроки через личностные факторы различных людей, каждый из которых обладает индивидуальными способностями и возможностями, но стремящихся, так или иначе, достичь удовлетворения собственных потребностей [2, с. 82].

Чтобы определить мотивацию сотрудников полиции, было проведено анкетирование лиц, проходящих первоначальную подготовку в Бел ЮИ МВД России имени И.Д. Путилина. Были изучены ответы 20 сотрудников правоохранительных органов, из которых 8 женщин и 12 мужчин.

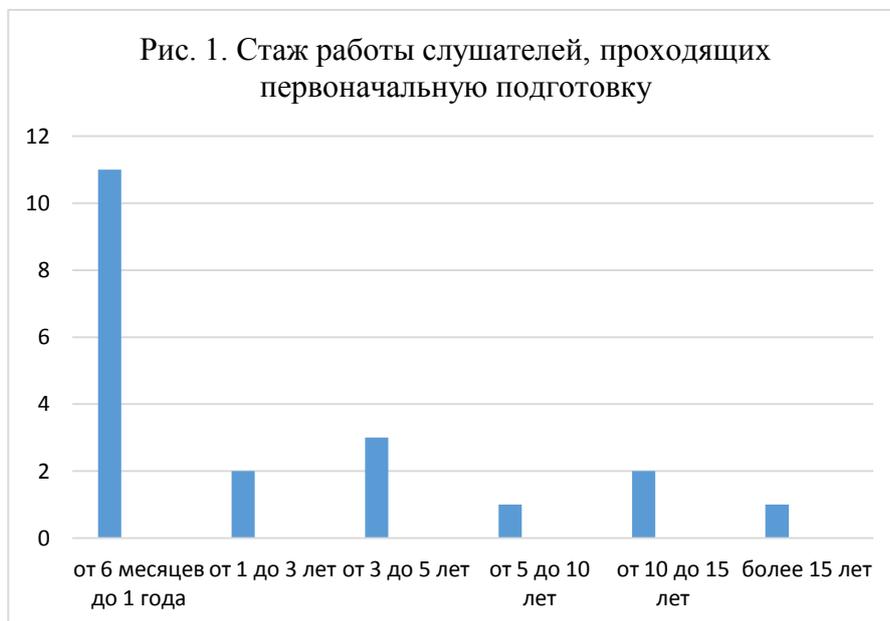
Прежде всего, нас интересовало, что понимает сотрудник правоохранительных органов под термином «мотивация», что может заставить его лучше работать и показывать высокие результаты в служебной деятельности.

Отметим, что под мотивацией слушатели, проходящие первоначальную подготовку, понимают побуждение к действию. Некоторые добавляют, что это некое эмоциональное состояние, которое побуждает к действиям, управляющим поведением человека, задает его жизненную направленность, ориентированную на достижение цели. Часть сотрудников определили мотив как действие, которое определяет активность в достижении конкретных целей.

Кто-то понимает под мотивом «процесс, управляющий поведением человека, задающий его направленность, организацию, активность, устойчивость». Или считают, что мотив – это направленное воздействие на внутренние чувства человека, приводящее к формированию намерения.

Практически в каждом ответе есть понимание того, что мотив – это то, что симулирует человека сделать что-либо, то, что заставляет его двигаться вперед, стремление человека улучшить в себе какие-либо качества путем расширения своего кругозора либо повышения планки в уже известных сферах (работе, семье).

Как известно, сотрудники правоохранительных органов относятся к типу профессий, которые наиболее подвержены профессиональной деформации. Поэтому мы в своем исследовании попробовали выяснить связь ответов на вопросы и стажа работы в органах внутренних дел. Стаж сотрудников распределился следующим образом (см. рис. 1).



*Рисунок 1.*

*Стаж работы слушателей, проходящих первоначальную подготовку*

Подавляющее большинство слушателей, проходящих первоначальную подготовку, только недавно стали сотрудниками органов внутренних дел. Почему они выбрали именно эту профессию, это призвание или случайный выбор? Для этого мы задали им вопрос: «Почему вы выбрали профессию полицейский?».

Слушатели ответили, что стали сотрудниками правоохранительных органов потому, что это работа дает стабильный заработок; для повышения своей юридической грамотности в данной профессии; это долг перед Родиной и желание ей служить; стабильность и перспектива в росте (карьерные перспективы); есть интерес к деятельности по борьбе с определенными видами преступлений; «я стала полицейским потому, что считаю эту работу нужной»; полиция будет всегда актуальна и востребована; интересна работа с нормативно-правовыми актами; из-за наличия властных полномочий; «интерес, стабильность, справедливость»; наличие льгот; развитие себя в данной структуре; «нравится именно эта профессия»; привлекает работа с различным контингентом; интересная работа; борьба за справедливость; престижность профессии; по примеру своих родственников; финансовая заинтересованность; «с детства мечтал работать в милиции (полиции)»; социальные гарантии; много новых знакомств; желание работать в данной сфере; из-за сложившейся экономиче-

ской ситуации в стране. Один из сотрудников отметил, что «это мужская работа, позволяющая защитить права граждан и самореализоваться».

Каждый слушатель мог написать несколько мотивов, поэтому самыми часто встречаемыми мотивами поступления на службу были стабильность, которая проявляется, в том числе, в стабильном заработке; карьерные перспективы (как видно из стажа, большинство респондентов только начали службу и хотят продвинуться как можно выше по служебной лестнице); престижность профессии; у части участников опроса родственники являются или были сотрудниками органов внутренних дел и стали для респондентов примером в выборе профессии; для кого-то важно наличие льгот, а кто-то считает службу интересной работой и испытывает огромное желание работать в данной сфере.

Таким образом, мы видим, что мотивы сильно отличаются, у кого-то это желание служить на благо Родины, борьба за справедливость, а для других – наличие властных полномочий и льгот, финансовая заинтересованность и обретение широкого круга новых знакомств.

Для определения мотивации карьерного роста сотрудникам правоохранительных органов был задан вопрос: «Что вы выберете: повышение заработной платы с сохранением должности или повышение в должности с сохранением заработной платы?». 35% выбрали повышение заработной платы, в то время как большинство (65%) хотели бы поменять должность. Стоит отметить, что из 35% слушателей более половины имеют стаж работы в органах более трех лет, это связано с тем, что они уже имеют желаемые должности или же, наоборот, не имеют возможности карьерного роста.

Так как работа в полиции для многих – это определенная стабильность, в том числе и финансовая, мы выяснили, что может заставить сотрудников органов внутренних дел выполнять их служебные обязанности лучше. Приемы, применяемые для активации необходимых личных качеств сотрудников, называются методами стимуляции, способами корректировки поведения сотрудника [2, с. 82].

При ответе на вопрос: «Что может вас мотивировать работать лучше?» сразу бросаются в глаза ответы, связанные с коллективом: хорошие отношения с руководством и коллективом; хорошая обстановка в коллективе (уважительное и справедливое отношение); метод «кнута и пряника»; грамотный коллектив, который оказывает помощь в решении рабочих моментов и задач; высокая оценка начальства; адекватное отношение руководства. Это ответы, прежде всего, связанные с трудностями процесса первоначальной адаптации в коллективе.

Важными становятся стимулы, связанные с материальной составляющей, среди которых поощрения руководства, повышение заработной платы, ежеквартальные премии.

Важный блок стимулов связан с улучшением условий службы, а именно, улучшение технических возможностей при проведении оперативно-розыскных мероприятий; интересные раскрываемые дела; более размеренный и спланированный рабочий день; создание хороших условий работы и отдыха;

улучшение материально-технического обеспечения; общение с разными людьми; сотрудничество с другими организациями.

Условиями повышения работоспособности слушатели также считают значимость работы, успешную деятельность по каждому уголовному делу, поддержку близких, личные успехи по службе, хороший результат, упразднение бюрократии; самосовершенствование, стремление доказать себе, что могу быть лучше, соперничество.

Как уже было отмечено выше, сотрудники, проходящие первоначальную подготовку, имеют небольшой стаж работы. Поэтому главной сложностью полицейских является вступление их в новый коллектив, который не всегда настроен доброжелательно по отношению к новичкам. Поэтому важно при приеме нового сотрудника учитывать такой фактор, как конфликтность. Сегодня конфликтный человек – это проблема не только для коллектива, но и для всей системы в целом. Ведь не секрет, что общественное мнение играет важную роль при анализе работы сотрудников органов внутренних дел. Сталкиваясь с конфликтными сотрудниками, граждане составляют негативное впечатление о полиции в целом. На вопрос «Конфликтный ли вы человек?», только один человек (5%) признался в своей конфликтности. При прохождении отбора на службу в органы внутренних дел соискатели проходят психологическое тестирование и беседуют с психологом, что позволяет отобрать более подходящий для службы контингент. Поэтому доля конфликтных людей в полиции не так высока.

Конфликты могут возникнуть даже в самом сплоченном коллективе. Какие пути предупреждения и разрешения конфликтов в деятельности сотрудников органов внутренних дел видят полицейские, проходящие первоначальную подготовку? По мнению некоторых респондентов, чаще всего происходят межличностные конфликты сотрудников. Они могут быть между молодыми сотрудниками и сотрудниками старшего возраста. Разрешить данные конфликты стоит проведением совместных, в том числе, интеллектуальных мероприятий, где молодые сотрудники смогут взаимодействовать с сотрудниками старшего возраста не в конкурентной борьбе, а во взаимодействии их в совместных делах и решениях.

Конфликты в служебной деятельности не способствуют успешной работе. В конфликтах могут быть задействованы разные факторы (отсутствие техники, нагрузки и т.д.). Имеет значение статус личности и внешняя среда. У человека может и не быть склонности к конфликтам, однако сама его деятельность и статус создают конфликтную ситуацию.

Избежать конфликтов поможет создание хороших условий деятельности, четкое распределение функций, прав, ответственности, согласование интересов; выявление потребностей служащих и создание условий для максимального их удовлетворения; своевременное обнаружение противоречий и разногласий и их разрешение на основе переговоров; применение адекватного стиля руководства.

По мнению респондентов, важно при управлении конфликтами и для их успешного разрешения выполнять следующие правила: четкая формулировка требований, использование координирующих механизмов, определение общих целей, формирование главных ценностей, система поощрений, компромисс.

Руководитель структурного подразделения органов внутренних дел должен создать объективные условия, препятствующие возникновению и развитию предконфликтных ситуаций; уметь проводить воспитательную работу для создания благоприятных взаимоотношений в коллективе; предупреждать отрицательное лидерство; проходить обучение, в том числе, правовой подготовке, знать законы, устав; уметь проводить беседы и разъяснительные работы.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что сотрудники правоохранительных органов, проходящие первоначальную подготовку, имеют разные мотивы выбора своей профессии: кто-то хочет защищать Родину, а кто-то иметь стабильность и хороший заработок. Сотрудники могут работать лучше, если их стимулировать, и не всегда это денежная компенсация, для многих сотрудников внутренних дел важное значение имеют социальные гарантии и благоприятные условия работы. В служебном коллективе бывают межличностные конфликты, особенно у молодых сотрудников и поэтому одна из важных задач руководителей структурных подразделений органов внутренних дел заключается в создании благоприятного климата в коллективе.

#### Литература

1. *Егорычев С.П.* Развитие профессионализма сотрудников МВД РФ с учетом их мотивации: дис. ... канд. психол. наук. – Москва, 2011. – 222 с.

2. *Раззорова И.Н., Вольфсон Э.Н.* Особенности мотивации сотрудников правоохранительных органов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-motivatsii-sotrudnikov-pravoohranielnyh-organov> (дата обращения: 20.03.2018).

## ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

УДК 37.061

**Клишевич Н.С.**

(ГУО «Республиканский институт высшей школы», г. Минск, Беларусь)

**Аннотация:** в статье анализируются основные траектории трансформации ценностных ориентаций личности сквозь призму структурных изменений социально-культурной реальности под влиянием информационных технологий и виртуализации современного общества. Рассмотрение проблем динамики ценностей и особенностей личностной идентификации осуществляется с

позиций междисциплинарного подхода (учитывающего психологические, духовные, социальные аспекты процесса).

**Ключевые слова:** ценностные ориентации, информационные технологии, человек, общество, виртуализация, культура, идентификация.

## VALUE ORIENTATIONS OF THE PERSONALITY IN THE MODERN INFORMATION SOCIETY

**Klishevich N.S.**

(Republican Institute of higher education, Minsk, Belarus)

**Abstract:** the article analyzes the main trajectories of transformation of value orientations of the individual through the prism of structural changes in social and cultural reality under the influence of information technology and virtualization of modern society. The consideration of the problems of the dynamics of values and features of personal identification is carried out from the standpoint of an interdisciplinary approach (taking into account the psychological, spiritual, social aspects of the process).

**Key words:** value orientations, information technologies, person, society, virtualization, culture, identification.

XXI век характеризуется переломным состоянием культуры, мы – новое поколение «информационный людей», живущих «здесь и сейчас» благодаря подсказкам современных психологов. Информационные технологии, прочно вошедшие в нашу жизнь, диктуют нам новые условия развития общества. Мы не успели до конца разобраться с телекоммуникациями, как на смену им приходят инфокоммуникации, превращающие общество в объекты транслирования и получения информации, при этом зачастую ни национальная, ни личностная идентичность не имеет никакого смысла. Знания в информационном обществе нам заменяет информация и способность ее получить. Трансформации подлежат и ценностные ориентиры, зависящие от информационного фундамента, заложенного каждым из нас. Конечно, никто с точностью не может предсказать, как изменится человек и его ценности в далеком будущем, поскольку всякая социальная система создает совокупность «фильтров», не пропускающих в сознание те или иные содержания. Это осуществляется даже на уровне языка, так как в процессе воспитания вытесняются многие чувства, которые считаются нежелательными в данном обществе, поэтому концепцию личности вытесняет «социальный характер» [1]. Культура как огромный коммуникативный механизм, характеризующийся знаковостью, имеет свой определённый язык (код), а значит, способность влиять на формирование каждой отдельной личности. Знаковый характер культуры помогает нам обретать скрытые смыслы. Жизнь идеи, переходящей в материальное воплощение и видимый нами конечный продукт (воплощение идеи), может не привести нас к единственному выводу. Так, историческая наука в первую очередь занима-

ется реконструкцией, а культурология может заниматься интерпретацией смыслов. Содержание культуры включает в себя информацию, но естественно к ней не сводится. Эмоции, переживания, стоящие за информацией и являются основой ее интерпретации. В этом смысле символическая недоговоренность невольно способствует развитию интуитивной логики чувств и позволяет выйти за рамки принятого в культуре. Любой уровень закодированных смыслов при их «прочтении» выводит человека на новый уровень личностного развития, обращая его к собственным сокровенно-глубинным слоям. Получается, что обретение смысла индивидуально по своей природе и возвращает человека к самому себе. Поэтому концепция уникальности личности, выдвигнутая экзистенциалистами еще в середине XX века, по-прежнему актуальна. Это, прежде всего, относится к решимости выбора личностью ценностных ориентаций как условия формирования подлинной индивидуальности. Через акт выбора в информационном потоке личность утверждает свою неповторимость и уникальность. Безусловно, среда Интернет, сокращая время и расстояния, предоставляя безграничные возможности самореализации, позволяет каждому «проиграть» сценарий выбора той или иной жизненной позиции под маской-ником. Но надо понимать, что для сложившегося индивида это будет не критично, поскольку он уже обладает определенной системой ценностей, определяющих его поведение и, примеряя на себя «чужой образ», с помощью воли может вовремя отказаться от «ненужного» образа, ориентируясь в безумном потоке информации. Для человека нового, формирующегося может возникнуть большая проблема: не всем удастся с легкостью вырвать себя из информационного пространства массовой культуры, пожирающего твою индивидуальность. Элвин Тоффлер верно подметил, что воздействие на неподготовленного человека, погруженного в другую культуру, в которой образ жизни индивида резко отличается от собственного, вызывает шок. «Шок будущего» [2] может вызвать массовую дезориентацию, так как с бешеным ритмом жизни в информационном обществе меняется набор знакомых для индивида ценностей. Сегодня информационное общество, представляя собой сообщество людей, объединенных инфокоммуникационными технологиями, помогает осуществлению процессов глобализации и интеграции, повышает скорость общения и обмена информацией и изменяет привычные для нас виды коммуникации. Вот тут и возникает потребность опять возвратиться к концепции экзистенциализма и отметить схожесть проблемного поля. Эта схожесть выражается, прежде всего, в изучении противоречия между человеческим внутренним миром и окружающей действительностью. По-новому может звучать и проблема одиночества, и проблема заброшенности субъекта в новый мир, в виртуальную систему координат, где движение может осуществляться по любой шкале ценностей, иллюстрируя тем самым прогресс или регресс в развитии личности. Актуализируется также проблема отчуждения человека и пустоты как результат жизни в иллюзорном обществе социальных сетей поглощающих человека; проблема поиска человеком своего внутреннего «Я», поскольку тиражирование (как основа современной культуры) до-

вольно прочно вошло в наше сознание. И, безусловно, одна из важнейших проблем – проблема внутреннего выбора, самоопределения, поскольку исторический опыт свидетельствует, что как только начинают подтачиваться духовный и культурный стержни общества, можно говорить о закате цивилизации [3]. Именно внутренний выбор и позволяет человеку в современном информационном обществе называться личностью, ибо личность – это категория духа, являющее целое и имеющее способность изменять все окружающее её. Поэтому находясь в виртуальной паутине, окутавшей весь мир, важно помнить, что свобода как неотъемлемая ценность личности есть мощь творить из ничего, мощь духа творить не из природного мира, а из себя [4]. А свободное существование – это и есть экзистенция (подлинное существование), являющее собой главную ценность человечества.

#### Литература

1. *Фром Э.* Духовная сущность человека: Способности к добру и злу // Человек и его ценности. – Москва, 1988.
2. *Тоффлер Э.* Шок будущего [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http://www.gumer.info/bibliotek\\_Vuks/Culture/Toff\\_Shok/03.php](http://www.gumer.info/bibliotek_Vuks/Culture/Toff_Shok/03.php). (дата обращения: 02.11.2017).
3. *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. – Москва, 1993.
4. *Бердяев Н.А.* «Проблема человека» (к построению христианской антропологии) [Электронный ресурс]. Режим доступа: [www.vehi.net](http://www.vehi.net). (дата обращения: 02.11.2017).

## **СОДЕРЖАНИЕ**

<b>Колесников С.А.</b> ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ПАРАДИГМЫ АНТИДЕСТРУКТИВНОСТИ В КОНЦЕПЦИЯХ А. ТОЙНБИ И М. ВЕБЕРА	<b>3</b>
<b>Антонов Е.А., Таранова А.Е., Антонов Р.Е.</b> ПОСТКЛАССИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ФИЛОСОФСКО-АНТРОПО- ЛОГИЧЕСКОГО ИЗМЕРЕНИЯ ГОСУДАРСТВА	<b>10</b>
<b>Антонова Е.Л., Туркина В.Г.</b> СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНО-ЦИВИ- ЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИИ	<b>18</b>
<b>Нефёдов А.А., Нефёдова Е.А., Шилишпанов Р.В.</b> СОВРЕМЕННАЯ МОЛОДЕЖЬ КАК ЦЕЛЕВАЯ АУДИТОРИЯ ДУ- ХОВНОЙ ДЕСТРУКЦИИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ ИНТЕРНЕТ	<b>27</b>
<b>Таранова Е.Н., Ермакова Л.Р., Колесникова К.А.</b> СТРУКТУРНЫЕ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕРМИНОЛОГИИ УГОЛОВНОГО ПРАВА	<b>33</b>
<b>Титова Е.А.</b> ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННАЯ СЕТЬ «ИН- ТЕРНЕТ» КАК СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПОВ ДЕЯ- ТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ	<b>41</b>
<b>Агарков А.Ф.</b> НЕЗАКОННАЯ МИГРАЦИЯ КАК ВОЗМОЖНЫЙ ИСТОЧНИК УГ- РОЗ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	<b>44</b>
<b>Воронцова Ю.А., Хорошко Е.Ю.</b> ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЖЕСТОВОГО ЯЗЫКА (ОБЗОР)	<b>49</b>

<b>Долин В.А.</b> ФОРМИРОВАНИЕ КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМА	<b>53</b>
<b>Зайцева И.В., Натарова Е.С.</b> ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ СЫСКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА	<b>61</b>
<b>Земляков В.Д., Землякова Т.А.</b> ВЛИЯНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ЯЗЫКОВУЮ ПОДГОТОВКУ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ	<b>67</b>
<b>Киданова Н.Л.</b> АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ОСОБЕННОСТИ РАСКРЫТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ	<b>72</b>
<b>Меняйло Л.Н., Тищенко И.В.</b> ГУМАНИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ПОДГОТОВКИ ОБУЧАЮЩИХСЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ МВД РОССИИ	<b>76</b>
<b>Литвинова Н.В.</b> ОСОБЕННОСТИ ПРОЕКТИРОВАНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ СПЕЦИАЛИТЕТА ДЛЯ СОТРУДНИКОВ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ БЕЗОПАСНОСТИ НА ТРАНСПОРТЕ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ МВД РОССИИ	<b>79</b>
<b>Сяба М.В.</b> ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИИ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ, ПРОХОДЯЩИХ ПЕРВОНАЧАЛЬНУЮ ПОДГОТОВКУ	<b>87</b>
<b>Клишевич Н.С.</b> ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ	<b>92</b>

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ПАРАДИГМЫ XXI СТОЛЕТИЯ:  
КУЛЬТУРНО-ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ**

Материалы межведомственной научной конференции

30 ноября 2017 г.

Редактор *О.Н. Тулина*  
Техн. редактор *Т.Л. Ковалева*

---

Подписано в печать 2018 г., формат бумаги 60x90/16, уч.изд.л. 6,1,  
бумага офсетная, печать трафаретная  
Тираж 28 экз., заказ № 38

---

Отпечатано в отделении полиграфической и оперативной печати  
Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина  
г. Белгород, ул. Горького, 71

ISBN 978-5-91776-235-7

